

РАССКАЗ О СЕЛЬСКОМ СОВЕТЕ.
ДРУЗЬЯ И НЕДРУГИ СЕЛИГЕРА.
ПОСЛЕ СУДА: ГОРЬКИЕ ЗЕРНА.

ИНФОРМАЦИОН о Пленуме Центр Коммунистической па

15 октября 1985 года состоялся очередной Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

Пленум обсудил следующие вопросы:

О проекте новой редакции Программы Коммунистической партии Советского Союза.

Об изменениях в Уставе КПСС.

О проекте Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года.

С докладом по этим вопросам на Пленуме выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев. Текст доклада публикуется в печати.

В прениях по докладу на Пленуме выступили: тт. А. А. Титаренко — второй секретарь ЦК Компартии Украины, Р. Ф. Дементьева — второй секретарь Московского горкома КПСС, Ю. Ф. Соловьев — первый секретарь Ленинградского обкома КПСС, В. Г. Афанасьев — главный редактор газеты «Правда», С. И. Манякин — первый секретарь Омского обкома КПСС, М. С. Шкабардня — министр приборостроения, средств автоматизации и систем управления, А. М. Королев — токарь Уральского завода тяжелого машиностроения имени С. Орджоникидзе, В. П. Демиденко — первый секретарь

Постановление Пленума ЦК О проектах новой редакции Программы Основных направлений экономического на 1986—1990 годы и на

Обсудив проекты новой редакции Программы КПСС, изменений в Уставе КПСС, Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года, доклад по этим вопросам Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева, Пленум Центрального Комитета КПСС постановляет:

1. Одобрить подготовленный комиссией ЦК КПСС проект новой редакции Программы Коммунистической партии Советского Союза.

2. Одобрить представленный Политбюро ЦК КПСС проект изменений в Уставе КПСС.

3. Одобрить проект Основных направлений экономического и социаль-

ного развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года.

4. Опубликовать данные документы в печати для обсуждения в партии, трудовых коллективах, в самых широких слоях населения страны.

5. ЦК компартий союзных республик, крайкомам, обкомам, окружкомам, горкомам и райкомам партии организовать обсуждение указанных документов на партийных собраниях, конференциях и съездах компартий союзных республик, предшествующих XXVII съезду КПСС, а проекта Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года — также на собраниях в трудовых коллекти-

вах, учебных заведениях, воинских частях и общественных организациях.

6. ЦК КПСС подчеркивает, что работа по обсуждению, пропаганде и разъяснению проектов новой редакции Программы партии, изменений в Уставе КПСС, Основных направлений должна носить деловой, конструктивный характер, тесно увязываться с решением конкретных текущих и перспективных задач, стоящих перед трудовыми коллективами. В центр внимания необходимо поставить вопросы интенсификации производства, ускорения научно-технического прогресса, усиления режима экономии, повышения организованности и дисциплины на всех участках, совершенствования стиля ра-

НОЕ СООБЩЕНИЕ

ального Комитета

ртии Советского Союза

Кустанайского обкома Компартии Казахстана, К. С. Демирчян — первый секретарь ЦК Компартии Армении.

Пленум ЦК КПСС одобрил представленные на его рассмотрение документы и решил опубликовать их для обсуждения на партийных собраниях, конференциях и съездах компартий союзных республик, предшествующих XXVII съезду КПСС, а проект Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года — также на собраниях в трудовых коллективах, учебных заведениях, воинских частях и общественных организациях.

На Пленуме ЦК КПСС рассмотрены организационные вопросы.

Пленум избрал тов. Талызина Н. В. кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС.

Пленум освободил тов. Рыжкова Н. И. от обязанностей секретаря ЦК КПСС в связи с назначением его Председателем Совета Министров СССР. Принято решение об освобождении тов. Тихонова Н. А. от обязанностей члена Политбюро ЦК КПСС в связи с его уходом на пенсию по состоянию здоровья.

На этом Пленум ЦК КПСС закончил свою работу.

нтрального Комитета КПСС

мы КПСС, изменений в Уставе КПСС,

кого и социального развития СССР

а период до 2000 года

боты. Важно обеспечить активное, заинтересованное участие в обсуждении предсъездовских документов коммунистов и беспартийных. Добиваться, чтобы каждый советский человек хорошо знал программные цели и задачи партии, смысл нашей внутренней и внешней политики, глубоко понимал объективную необходимость существенного ускорения социально-экономического развития общества как основы повышения благосостояния народа, укрепления могущества социалистической Родины, ее успешной борьбы за мир и безопасность народов.

Центральный Комитет КПСС выражает твердую уверенность в том, что всенародное обсуждение проектов но-

вой редакции Программы КПСС, изменений в Уставе КПСС, Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года пройдет на высоком организационном и идейно-политическом уровне, будет способствовать выработке к съезду научно обоснованных предложений, обогащенных опытом партии и всего народа, послужит дальнейшему развитию творческой инициативы и активности трудящихся в борьбе за успешное выполнение государственных планов и социалистических обязательств 1985 года, за энергичный старт в двенадцатой пятилетке и достойную встречу XXVII съезда КПСС.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 43 (3040)

19—26 ОКТЯБРЯ

© Издательство «Правда», «Огонек», 1985

Во время переговоров.

Фото А. Гостева

Во время беседы.

Фото ТАСС

По приглашению ЦК КПСС и Президиума Верховного Совета СССР 10 октября в Москву с официальным дружественным визитом прибыл руководитель ливийской революции полковник Муамар Каддафи.

На Внуковском аэродроме М. Каддафи приветствовали член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР А. А. Громыко, член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Г. А. Алиев, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР С. Л. Соколов, другие официальные лица.

10 октября в Кремле состоялись переговоры Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева с руководителем ливийской революции полковником М. Каддафи.

В них приняли участие: с советской стороны — член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР А. А. Громыко, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. И. Рыжков, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР С. Л. Соколов;

с ливийской стороны — главнокомандующий вооруженными силами, член Революционного руководства, бригадный генерал Абу Бакр Юнис Джабер, секретарь по вопросам энергетики, инженер Абдель Маджид Гауд, секретарь по делам электрификации, инженер Джумаа Арбаш, секретарь по делам тяжелой промышленности Омар Мунтасер, секретарь по делам планирования, экономики и нефти Фаузи Шакуки, секретарь народного комитета народного бюро по внешним связям Али Абдель Салля Трейки.

В ходе переговоров, прошедших в атмосфере дружбы и взаимопонимания, состоялся обмен мнениями по проблемам современной международной обстановки, включая последние инициативы Советского Союза, направленные на ее радикальное оздоровление, на прекращение гонки вооружений, положения на Ближнем и Среднем Востоке, Африканском континенте, в районе Средиземного моря.

Были затронуты вопросы, касающиеся важной роли движения неприсоединения в современной международной жизни, а также ирано-иракского конфликта.

11 октября в Кремле были продолжены в обстановке дружбы и взаимопонимания переговоры между Генеральным секретарем ЦК

С ОФИЦИАЛЬНЫМ ВИЗИТОМ

Во время подписания.

КПСС М. С. Горбачевым и руководителем ливийской революции полковником М. Каддафи.

Имел место углубленный обмен мнениями о состоянии советско-ливийских отношений и перспективах их развития в различных областях.

Был также продолжен обмен мнениями по международным проблемам.

11 октября в Кремле состоялась беседа М. С. Горбачева с М. Каддафи, в ходе которой было продолжено обсуждение некоторых принципиальных вопросов советско-ливийских отношений и внешней политики обеих стран. Беседа прошла в духе дружбы и взаимопонимания.

14 октября в Кремле состоялось подписание советско-ливийских документов.

Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев и руководитель ливийской революции полковник М. Каддафи подписали долгосрочную программу развития экономического, научно-технического и торгового сотрудничества между СССР и Ливийской Джамахирией.

Протокол о политических консультациях между обеими странами и консульскую конвенцию подписали член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе и секретарь народного комитета народного бюро по внешним связям СНЛАД Али Абдель Салам Трейки.

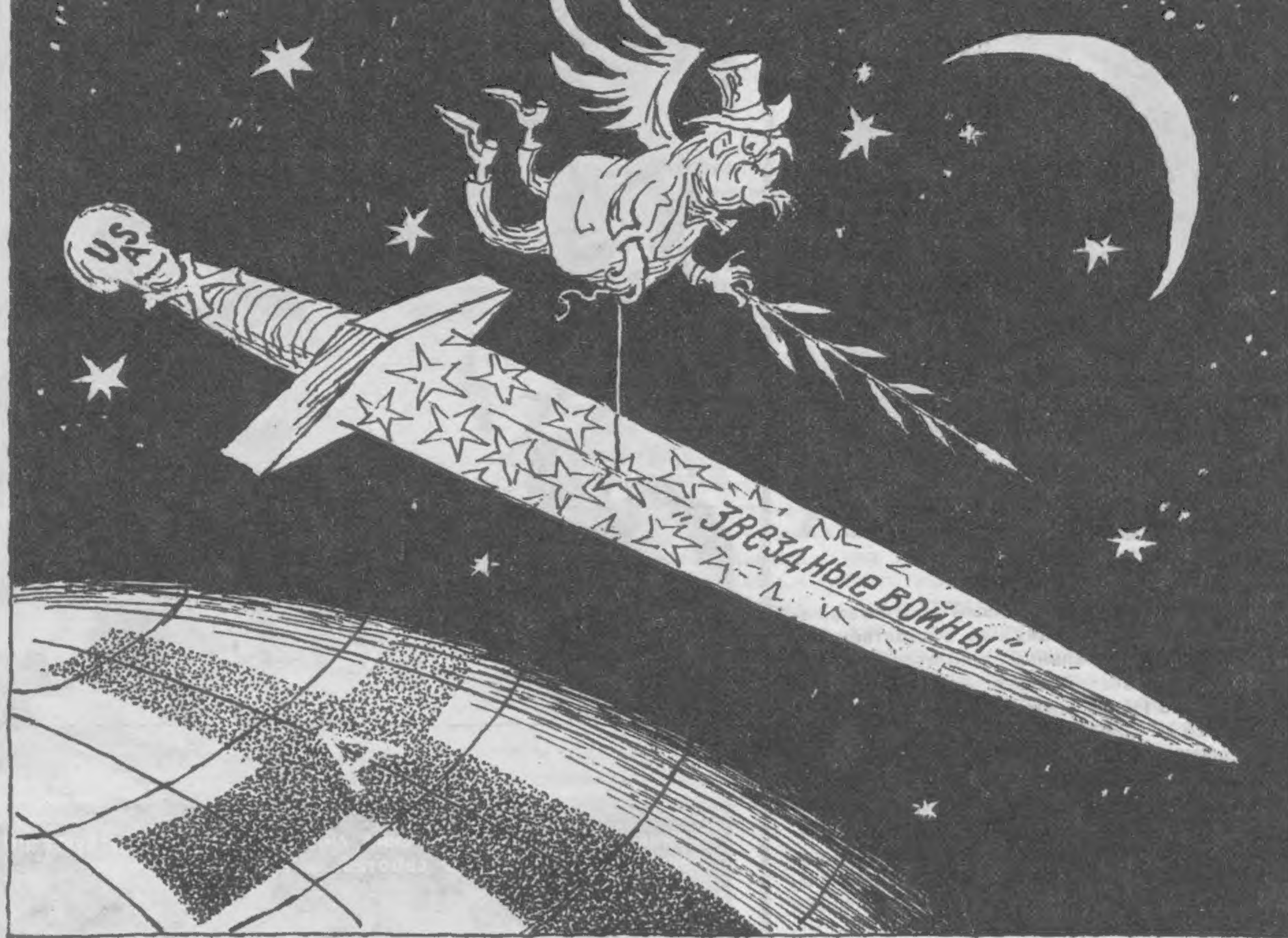
При подписании были: с советской стороны — товарищи Г. А. Алиев, В. И. Воротников, В. В. Гришин, А. А. Громыко, Е. К. Лигачев, Н. И. Рыжков, М. С. Соломенцев, Н. А. Тихонов, В. М. Чебриков, В. И. Долгих, Б. Н. Пономарев, С. Л. Соколов, Б. Н. Ельцин, Л. Н. Зайков, М. В. Зиявин, И. В. Капитонов, В. П. Никонов, К. В. Русаков, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипов, заместители Председателя Совета Министров СССР, министры СССР, председатели государственных комитетов СССР, другие официальные лица;

с ливийской стороны — главнокомандующий вооруженными силами, член Революционного руководства, бригадный генерал Абу Бакр Юнис Джабер, секретарь по вопросам энергетики, инженер Абдель Маджид Гауд, секретарь по делам электрификации, инженер Джумаа Арбаш, секретарь по делам тяжелой промышленности Омар Мунтасер, секретарь по делам планирования, экономики и нефти Фаузи Шакшуки.

14 октября из Советского Союза отбыл руководитель ливийской революции полковник Муамар Каддафи.

На Внуковском аэродроме М. Каддафи провожали член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР А. А. Громыко, член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Г. А. Алиев, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР С. Л. Соколов, другие официальные лица.

Фото А. Гостева

Дамоклов меч американского «миротворца».

Рисунок М. Абрамова

ВТОРОЙ РАУНД

ПРОЦЕССА В РИМЕ

Сфабрикованное западными спецслужбами «дело Антонова» — одна из драматических страниц идеологической борьбы в современном мире. Затянувшийся судебный процесс в Риме справедливо называют неправым и позорным. Об особенностях второго раунда процесса, к которому опять привлечено внимание миллионов людей во всех странах, рассказывает заместитель председателя Советского национального комитета в защиту С. Антонова Николай ПАНИЕВ.

В письмах в Советский национальный комитет в защиту С. Антонова задаются справедливые и тревожные вопросы: «Сколько времени еще будет продолжаться судебный процесс в Риме?».

Напомним, что первый раунд процесса в Риме состоялся с 27 мая по 19 июля и был продолжен в течение трех августовских дней. В итоге 35 судебных заседаний выявилась полная несостоятельность обвинительного заключения — сфабрикованная версия, названная по-итальянски «Писта Булгара» — «болгарский след».

Казалось бы, что такой итог долгого и медленного судебного разбирательства должен был стать основанием для римской Фемиды признать отсутствие состава преступления в действиях ложно обвиненных трех болгар и их полную реабилитацию. Но, как доказывает сам факт продолжения процесса, суд избрал иной путь.

На первых же судебных заседаниях второго раунда процесса бросилось в глаза, что провокационная затея приобрела еще больший размах, что снившиеся было дезинформаторы опять рьяно бросились в клеветническую кампанию. Справедливости ради надо отметить, что повод для этого дали те, кто обязан беспристрастно выявлять на суде истину и

только истину, быть объективными в решении судеб нагло оболганных болгарских граждан и в целесообразности продолжения процесса. Высокопоставленные судебные чины в Риме проявили особенное рвение в дни летних каникул в усиленных поисках свидетелей, которые должны сделать на процессе только одно — подтвердить существование «болгарского следа». За этим последовала вторая акция: раздались новые антиболгарские залпы со страниц газет и журналов, по радио и с телеэкранов с широковетательными обещаниями, что новые свидетели не только поддержат «версию Агджи», но и расскажут об «убийственных фактах» виновности Сергея Антонова и его двух товарищей. Эскалация клеветы, начавшаяся по команде из штаб-квартиры ЦРУ в Лэнгли, конечно же, имеет своей целью продолжать процесс в Риме темпами судебной улиты.

Ставка на «суперсвидетелей», как до этого на Агджу, потерпела крах. Доставленные в Рим из тюрем ФРГ и Франции матерые «серые волки» Ялчин Озбей и Абдулла Чатлы во время очных ставок и перекрестных допросов не только не помогли «восстановить болгарский след», но подтвердили существование

следов западных спецслужб в покушении на папу римского и нагнетании атмосферы вокруг судебного процесса. Но игнорирование многих фактов, которые не предусмотрены сценарием организаторов процесса, стало приоритетом не только судьи И. Мартеллы. На процессе проявляется подобное же игнорирование фактов, которые могли бы изменить весь ход судебных заседаний, а главное — доказать абсолютную невиновность Сергея Антонова и его двух соотечественников.

Оказалась битой и ставка на первый раунд процесса. Даже газета «Коррьере делла sera», не раз уличенная в распространении клеветы о «болгарском следе», писала накануне начала второго раунда процесса: «Первая фаза этого процесса не сделала значительного шага вперед в сравнении с заключением, которое сделал следственный судья Мартелла. Напротив, прибавились ошибки и сомнения благодаря абсурдному и безответственному поведению Агджи».

Скоро исполнится три года, как Сергей Антонов находится под арестом. Второй допрос С. Антонова еще раз подтверждает его полную невиновность. Советские люди уверены: инсценировка пропагандистского спектакля в Риме обречена на полный провал.

ПАМЯТИ ДРУГА

Скончался талантливый южноафриканский писатель, видный общественный деятель, генеральный секретарь Ассоциации писателей стран Азии и Африки Алекс Ла Гума. Тяжелая утрата.

Каждый писатель приносит с собой в литературу частицу собственной биографии, свои наблюдения жизни, свой личный опыт. Чем острее и глубже эти наблюдения, тем глубже и интересней, социально острее творчество самого писателя. В произведениях Ла Гумы эта социальная направленность присутствовала всегда, о чем бы он ни писал. Он прожил нелегкую жизнь. У себя на родине, в Южно-Африканской Республике, он часто подвергался преследованиям. Его много раз арестовывали, предавали суду. Пять лет он находился под домашним арестом без малейшего права общаться с кем-либо из своих друзей. Расистское правительство ЮАР запретило печатать его книги, само имя его было запрещено упоминать. Он был вынужден эмигрировать и почти двадцать лет провести вдали от своей родины. Он и умер вдали от дома.

Это был жизнерадостный, добрый и очень активный человек. Он был борец — против несправедливости, за мир и свободу, за счастье людей. Мы часто с ним встречались. В нашем журнале печатали его литературные произведения, публицистику. Встречались на международных форумах и конференциях. Последний раз — совсем недавно в Болгарии, в Варне, на заседании секретариата Ассоциации писателей стран Азии и Африки. В прошлом году виделись в Тунисе, бывали в тех самых местах, которые совсем недавно подверглись варварской бомбардировке израильских бандитов.

С Советским Союзом Ла Гума связывала давняя и прочная дружба. Он много издавался у нас, и его хорошо знают советские читатели. В книгах «Скитания в ночи», «И нитка, втрое скрученная», «Каменная страна», «В конце сезона туманов» рассказывается и о трагедии личности в обществе капитала, и о борьбе за свободу, и о положении поработенных трудящихся масс в ЮАР. В библиотеке «Огонек» выходил сборник его рассказов «Портрет в гостиную».

В «Огоньке» он был частым и всегда желанным гостем. Иногда приходил вместе со своей верной спутницей жизни Бланш. Последний раз был уже в этом году. Он рассказывал о своих творческих планах, о своей работе, и его рассказ мы опубликовали в нашем журнале.

Для творчества Ла Гумы всегда характерной чертой была ответственность перед своим народом, я бы даже сказал, перед человечеством.

Всегда невыразимо трудно бывает свыкнуться с известием о том, что твой любимый друг и товарищ, человек, с которым ты долгие годы находился в одном ряду, ушел из жизни, тем более в расцвете своих творческих сил: ему было всего шестьдесят лет. Мы всегда будем помнить нашего Алекса, человека, который внес бесценный вклад в дело единства борьбы афро-азиатских народов за свою свободу и независимость.

Прощай, наш верный друг и товарищ!

Анатолий СОФРОНОВ

Бойцы СВАПО, партизанские силы Намибии, действуют по всей стране. С каждым годом возрастает борьба, включая саботаж в крупных городах.

Президент АНК Оливер Тамбо произносит речь на похоронах одной из жертв расистского режима Претории.

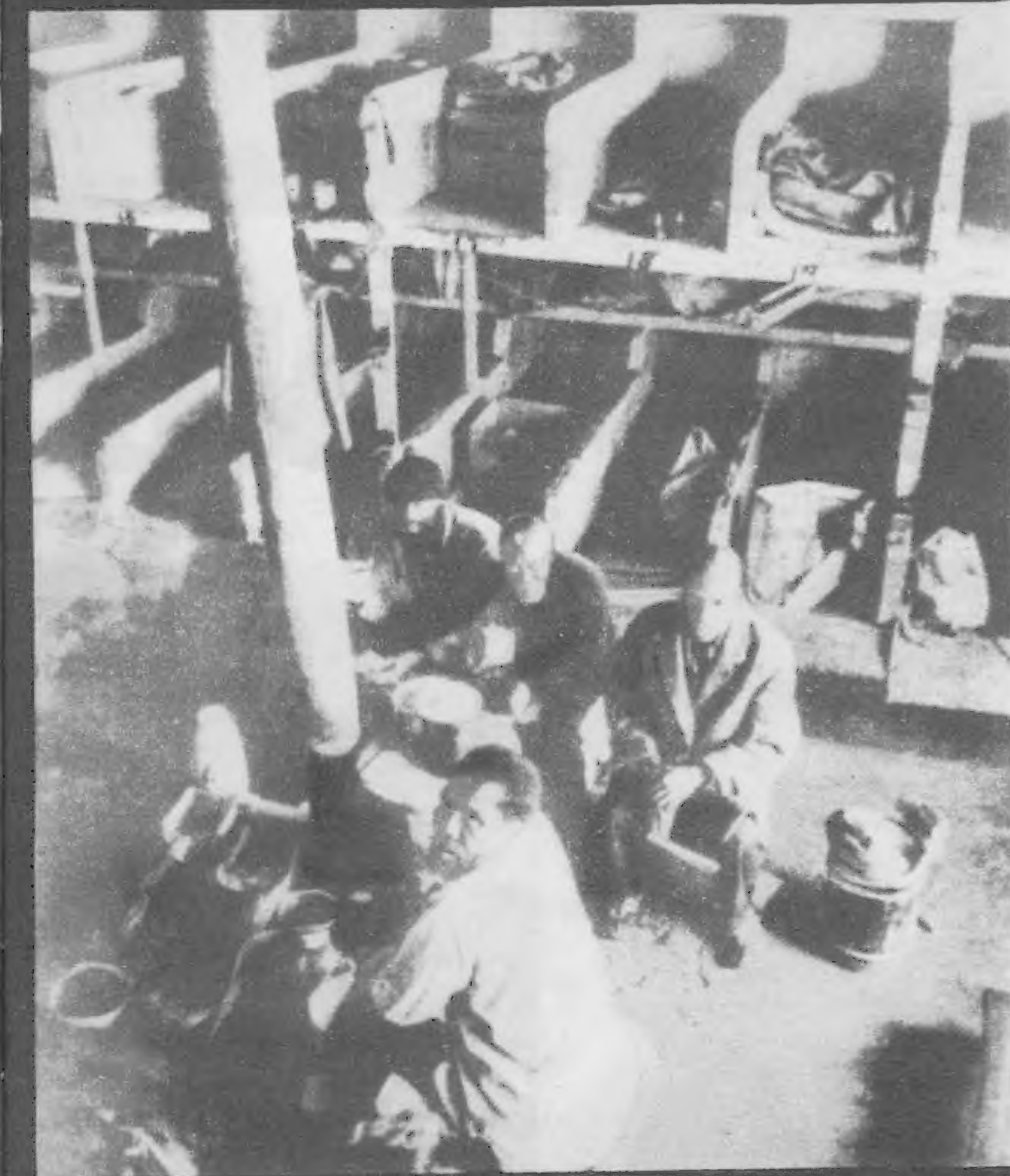
Нельсон Мандела, лидер Африканского национального конгресса, осужденный на пожизненное заключение по сфабрикованному обвинению, томится в тюрьме с 1963 года.

ВУЛКАН НАРОД

Политические заключенные в ЮАР подвергаются зверским истязаниям. В протоколах о смерти замученных жертв тюремные власти просят издевательские пометки «повесился сам», «выбросился из окна девятого этажа», «в припадке упал со стула» и т. п. На снимке: Рита Ндзанга у могилы своего мужа Лоуренса, жертвы апартеида.

«...Вы имеете бетонную ячейку и холодный матрас из пластика... Вставать приходится в 3 утра, а возвращаться в 5 часов пополудни» (бывший горняк об условиях жизни рабочих на шахтах ЮАР).

НОГО ГНЕВА

На недавно проводившейся в Москве Международной книжной выставке-ярмарке среди экспозиций мое внимание привлек стенд, озаглавленный «Печать за свободу Южной Африки». На полках — журнал с изображением Оливера Тамбо, президента Африканского национального конгресса, книги и буклеты, с обложек которых на вас смотрит страдание.

У стенда сидят две женщины. Знакомлюсь: Джин Миддлтон, главный редактор журнала «Сечаба», органа Африканского национального конгресса (АНК), и Беве Грослинг, представительница Международного фонда защиты и помощи Южной Африке. Эмблема журнала «Сечаба» нам хорошо знакома: в серии «Библиотека «Огонек» выходила книжка стихов южноафриканских поэтов с этой эмблемой АНК — человек с копьем — на обложке. Прошу рассказать о журналах, о том, как они поступают к читателям юга Африки, откуда берутся материалы...

МИДДЛТОН: — Журнал «Африкэн коммьюнист» выходит ежеквартально в небольшом издательстве «Инколу-леку» («Свобода»). Мы публикуем отдельные выступления коммунистов Южной Африки, информацию от добровольных общественных корреспондентов в ЮАР и Намибии. Доставляется журнал в ЮАР нелегально, все люди, помогающие нам, подвергаются большой опасности. Мы в своей печати боремся не только с апартеидом, но и с колониализмом и империализмом, например, в мае была статья, посвященная 40-летию освобождения от фашизма. Журналы «Африкэн коммьюнист» и «Сечаба» выписывают вне Южной Африки, получают их и в социалистических странах.

Основная тема ежемесячника «Сечаба» — положение черного большинства в ЮАР. Приходится прибегать к услугам британской прессы (редакция находится в Лондоне), у которой есть свои корреспонденты в ЮАР. Кроме того, выпускаем еженедельный бюллетень ИДЭФ (Международного фонда защиты и помощи Южной Африке). Он отражает самые последние события. У журнала есть своя фототека — 40 тысяч снимков, которую пополняют многие добровольцы: от корреспондентов буржуазных изданий до фотолюбителей, поддерживающих нашу борьбу.

— Каково сейчас положение в самой ЮАР? Есть ли изменения в настроениях белого меньшинства?

МИДДЛТОН: — Мы считаем, что сегодня там идет настоящая гражданская война. Сейчас уже не редкость, когда в похоронах жертв расистского произвола участвуют

не сотни, а тысячи, иногда до 50 тысяч человек, и все чаще над массами реет флаг АНК, чего раньше не было из-за опасения репрессий. Происходит раскол в белых семьях: люди понимают, что приходит конец апартеиду. За примерами далеко ходить не надо: моя мать, проживающая в Йоганнесбурге, расистка, имеющая черного раба, порвала со мной. Теперь она изредка пишет мне письма, стараясь не касаться политики.

Белое южноафриканское общество в целом осталось на прежних расистских позициях, но вот факт: все больше белых молодых людей отказываются служить в армии с ее функцией подавления коренного населения. В 1984 году, только по официальным данным, 500 человек угодили в тюрьму за отказ явиться на пункт призыва — это не считая эмигрантов и просто скрывающихся от полиции...

А нам в Лондоне работать с каждым днем труднее. У здания нашей редакции уже рвались бомбы, за нами следят, недавно нас подкарауливали машина, всюду нас сопровождала, а в полиции в ответ на наш звонок сказали, что такого номерного знака в Англии вообще не существует. Недавно английское правительство приняло новый закон о борьбе с террористами, и мы сейчас висим буквально на волоске, в любую минуту нас могут объявить вне закона: ведь АНК запрещен в ЮАР.

— В чем заключается помощь Международного фонда?

ГОСЛИНГ: — Помощь идет по трем направлениям: материально, юридически и публикациями. Кроме еженедельника ИДЭФ, вы видите здесь буклеты и листовки-обращения видных деятелей АНК. Юридическая помощь заключается в том, что мы по своим каналам подбираем для арестованных властями ЮАР адвокатов, прогрессивно мыслящих. Самая большая наша победа — отмена смертного приговора Нельсону Манделе и замена его казни пожизненным заключением. Адвокаты тоже рискуют — в этом году расисты убили адвоката Викторину Мксенге, два года назад та же участь постигла ее мужа, адвоката. Кстати, многие белые эмигранты из ЮАР, сотрудничающие ныне с нами, выбирались из страны с большими трудностями, например, та же Хильда Бернштейн, редактор и составитель этих буклетов, и ее муж нелегально прорывались через границу...

Я прощаюсь с двумя мужественными женщинами из Лондона, ведущими жизнь, вовсе не похожую на обычные будни английских домохозяек...

Ю. НОВИКОВ

Снимки из журнала «Сечаба» и изданий ИДЭФ

Народные депутаты! Настойчиво решайте вопросы государственного, хозяйственного и социально-культурного строительства, добивайтесь претворения в жизнь наказов избирателей!
Да здравствуют Советы народных депутатов — подлинно демократические органы власти!

Из Призывов ЦК КПСС к 68-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции

На главной колхозной улице.

- СЕЛЬСКИЙ ДИЗАЙН — ПРИРОДА И КОМФОРТ
- ЧТО СОВЕТ МОЖЕТ!
- ДЕПУТАТ — ДУША ДЕЛА
- ВСЕ — ВО ИМЯ ЧЕЛОВЕКА

Заседают депутаты.

РАДОСТНЫЕ

Виталий ЗАСЕЕВ,
фото Эдуарда ЭТТИНГЕРА,
специальные корреспонденты
«Огонька»

Секретарь Тульского обкома партии С. И. Васютин, узнав о нашем намерении, высказался довольно решительно и однозначно:

— Если хотите рассказать о хорошем примере в работе сельского Совета — поезжайте в Спасское Новомосковского района. Там и опыт накоплен, заслуживающий внимания, и отношение людей к своим обязанностям неформальное, а главное — начисто изжиты в их сознании бюрократизм, равнодушие, местничество...

Мой собеседник перечислял достоинства Совета, а я едва успевал их записывать.

— Всячески поддержанный партийными органами, этот Совет принимает все меры по улучшению руководства хозяйственным и социально-культурным строительством, — продолжал Сергей Ильич. — Ни на один день не упускает из поля зрения вопросы по осуществлению Продовольственной программы, экономному расходованию сырья, энергии, улучшению снабжения населения продуктами питания за счет более полного использования местных возможностей. Благодаря своевременным действиям всех его членов, хорошо организованной пропаганде в селах, расположенных на территории Совета, получил широкое

ХЛОПОТЫ

В сельском магазине.

Художники З. Т. Самольченкова и К. И. Савин: столовая должна быть красивой!

Тренировка.

одобрение, взятый партией и государством курс на искоренение пьянства и алкоголизма. И, должен заметить, если в Спасском обрушиваются на порок,— то делают это всем миром. И никуда не скрываются нарушителям трудовой дисциплины и общественного порядка от зорких глаз депутатов и активистов исполкома сельсовета. А как выглядит Спасское благодаря его усилиям!

...Уже издали Спасское напоминает макет поселка, специально отстроенного для киносъемок. И, хотя особых шедевров «застывшей музыки» здесь не встретишь, все же неожиданными поначалу кажутся и индивидуальность проектов жилых домов, и радующий глаз дизайн, и небывалая, для этой поры года, чистота улиц и скверов, и обилие цветов. А какие в селе Дом культуры и плавательный бассейн, не говоря уже о торговом центре! Компактный, удобно спланированный, распахнутый навстречу солнцу и одновременно защищенный от всех ветров — этот поселок и впрямь выглядит неординарно.

— Вы удивлены? — в голосе председателя исполкома Спасского сельского Совета Тамары Ивановны Ивановой звучит некоторое недоумение. — Ведь строили мы его для себя. Это радостные хлопоты. И вообще, скажу я вам, в любом беспорядке виновных надо искать, как правило, на месте. Плохо, некачественно построены дома, безобразна планировка улиц, убого их обустройство? Кого винить? Убеждена, во многих случаях сами же и виноваты.

Тамара Ивановна отвечает на приветствия прохожих, дает на ходу какой-то совет водителю грузовика, привезшего для посадки деревца, и вновь продолжает:

— Вот вы только что восхищались селами, каждое из которых имеет свое лицо. А чья в том заслуга? И самих жителей, и ими же выбранных депутатов сельского Совета. Ведь деньги-то мы тратим одни и те же, а результат в большинстве случаев получается разный. Почему? А все потому, что привыкли мы перекладывать свои обязанности на плечи других, а то и вовсе работать спустя рукава. Сегодня у нас не дошли руки взглянуть в проект, завтра мы пошли на поводу у строителей и с недоделками подписали акт о приеме дома. И пошло, поехало...

Останавливаемся возле торгового центра. Территория вокруг здания хорошо и со вкусом обустроена, тротуары выложены плиткой, нигде не видно, что называется, ни соринки.

— У нас много лет подряд заведен такой порядок, — продолжает моя собеседница. — По любой новой постройке — будь то школа, Дом быта или производственный цех — пока с ее проектом не ознакомится каждый член нашего Совета, каждый его депутат — решение не принимается. Есть у нас в Совете утвержденный план социального развития каждого нашего села. Так вот, траншеи мы роем не так, как в иных местах, а всегда только один раз — и для газопровода, и для теплоцентрали, и для телефонного кабеля. Государственный рубль многое может сделать, если к нему, как к собственному, относиться.

Так думает в Спасском не только Тамара Ивановна Иванова.

На территории Совета расположено одно из самых рентабельных

А как дела в поле!
Заместитель председателя колхоза А. Д. Цой, механизатор Б. Н. Лобзин и председатель сельсовета Т. И. Иванова.

хозяйств области, да что области — всей России, племзавод — колхоз имени Ленина. Каждый гектар пашни его дает сегодня около тысячи рублей чистого дохода. Не буду перечислять многих показателей этого экономически крепкого хозяйства, а назову только два из них. На каждые сто гектаров сельхозугодий колхоз производит свыше тысячи трехсот центнеров молока и более ста шестидесяти центнеров мяса. Для тех, кто знаком с сельскохозяйственным производством, эти цифры говорят о многом. Ну, а для читателей, с ним незнакомых, приведу такой пример. Надой на корову в колхозе имени Ленина Спасского сельского Совета составляет за год в среднем около пяти с половиной тысяч килограммов молока.

На ферме мы оказались в самый пик дойки. Беспорядочное содержание коров, обильный, рационально приготовленный корм, чистота и наиболее благоприятный для животных температурный режим — все это дело рук Раисы Лопатко и ее подруг.

Раиса сравнительно молодой депутат сельсовета, но мыслит и

действует по-государственному. Кажется, не было никакого повода для депутата бить тревогу по содержанию и уходу за животными. Но вот однажды Р. Лопатко стала свидетелем того, как и корма на ферму вовремя не завезли, и дойку не в срок организовали. Раиса тут же, в рабочем порядке на Совете предложила создать депутатский пост. Сельский Совет поддержал начинание своего полномочного представителя, а председатель колхоза, Герой Социалистического Труда В. А. Стародубцев от имени всего коллектива поблагодарил девушку за проявленную инициативу.

Сопричастность, активное вмешательство в решение насущных проблем дня — вот отличительная черта каждого депутата, каждого активиста сельского Совета.

— Будь мы семи пядей во лбу, сотой доли не сделали бы того, что успеваем благодаря нашему активу, — говорит Т. И. Иванова.

Торговля и общественное питание, работа транспорта и сфера услуг, ремонт жилья и строительство детских и дошкольных учреждений — вот далеко не полный перечень вопросов, которые

Состязаются новоселы.

ежедневно, ежедневно решает сельский Совет.

Есть в Спасском красивый, уютный швейно-полеводческий цех. Такому и областной центр мог бы позавидовать. Многие руководители сельских хозяйств на протяжении жизни сталкиваются с одной и той же проблемой: чем занять в зимнее время односельчан, особенно женщин? В колхозе имени Ленина, при поддержке сельского Совета, решили организовать швейно-полеводческое производство. Большинство женщин освоили профессии швей, раскройщиц. И теперь с удовольствием и пользой для производства занимаются пошивом белья и некоторых других изделий.

Однажды, после смены, в цехе возник нелицеприятный для начальства разговор о плохой организации питания работниц в столовой предприятия. Вопрос тут же был обсужден на заседании сельского Совета. Немедленно создали действенную комиссию, организовали кропотливую проверку. И к концу недели проблема была полностью снята. Заметно улучшился ассортимент продуктов, стало разнообразней меню.

— Сейчас мы решаем еще одну проблему, — рассказывает член исполкома сельского Совета, начальник швейно-полеводческого цеха Нина Васильевна Музалева. — Наши мастерицы справедливо упрекают работников быткомбината в том, что они отгородились от нужд людей роскошными стенами Дома быта. Перестали появляться в рабочих коллективах, не ищут заказчиков. В ближайшие дни отладим этот вопрос. Добьемся, чтобы каждая наша работница могла у себя в цеху и белье в прачечную сдать, и обувь подремонтировать, и, если потребуется, заказ на ремонт квартиры оформить.

Много интересного в работе этого сельского Совета. Усилиями всех его активистов, депутатов, здесь постоянно организуются яркие, запоминающиеся праздники: День урожая, День наречения имени ребенка, День бракосочетания, Праздник улицы. Причем в последнем обязательно принимают участие все депутаты во главе с председателем исполкома.

А какие спортивные фестивали организует и проводит сельский Совет вместе с активистами колхоза! Волейбольные и шахматные состязания команд, легкоатлетические кроссы и марафоны, соревнования по поднятию тяжестей и плаванию...

Депутат сельского Совета, швейно-полевод, комсомолка Галина Журавлева, возглавила постоянную комиссию по культуре и одновременно стала членом комиссии по новым гражданским обрядам.

— В нашем обществе нет и не может быть дела, чуждого интересам людей, — откликается на наш разговор Галина. — В каких условиях живет человек, как устроен его быт, как его обслуживают — это, конечно, вопросы первоочередной важности. Но мы считаем, что и об отдыхе людей надо заботиться.

«Отношение к людям, забота о них — главный вопрос нашей политики», — говорил на совещании в Тюмени Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев. Это хорошо понимают в Спасском сельском Совете. Понимают и делают все для того, чтобы слова с делом не расходились.

П. Корин. 1892—1967. СЕВЕРНАЯ БАЛЛАДА. Левая часть триптиха «Александр Невский». 1943.

Художественная выставка «40 лет Победы над фашизмом».

С. Чуйков. Род. 1902. УТРО. 1947.

Художественная выставка «40 лет Победы над фашизмом».

Костомукша — это озеро на северо-западе Карелии, одно из тысяч ее озер. Костомукша — это название села, что было вблизи озера, но которого уже нет: растворившись в чреве карьеров и коммункаций, оно оставило свое имя богатейшему железорудному месторождению. Костомукша — это новый город. Огражденный лесами от горно-обогадательного имени 60-летия СССР комбината, он сказочно вознесся по холмам вдоль задумчивого озера Контотки...

Об этом чудо-городе и комбинате, разом вставшем в первый ряд гигантов черной металлургии, рассказ особый. Сегодня слово о проблеме, требующей самого пристального внимания и не терпящей отлагательства...

Тысячи людей Костомукши заняты тем, что превращают руду — железистые кварциты — в концентрат и окатыши. В офлюсованные окатыши. Вот они у меня на ладони — шершавые, величинной с фундук, тяжелые, темно-серые шарики. Они — то самое желанное, как лакомство, сырое, которого жаждут домны. Его металлурги рвут на части, это же дефицит! Всем нужны — Череповцу, Магнитке, Липецку, Орско-Халиловску, Челябинску... Я видела, как они рождаются из глыб руды, добытой в карьерах, как эти глыбы дробят, обогащают, «обезвреживают» флюсом-известняком нежелательный при плавке чугуна излишек кремнезема. Все это технологически очень сложный и длительный процесс. Знакомая с ним, невольно задумываешься о том, как же бережно надо обращаться с окатышами, этими своего рода «зернами» будущего металла.

И с недоумением взираешь на то, как «орешки», выкатывавшиеся из обжиговых машин и отсортированные, хранятся просто под открытым небом обыкновенными сыпучими, будто песчаными, холмами... А почему они, собственно, должны здесь оседать в таком количестве? Чего ждут?

«Костомукша возникла столь быстро — комбинат построен досрочно и досрочно осваиваются его мощности, — что тылы оказались неподготовленными», — высказался в беседе заместитель генерального директора комбината по экономике В. С. Севастьянов. К «тылам» он относил прежде всего обеспечение электроэнергией, а оно не всегда надежно, есть тут причины для беспокойства. И особенно пути сообщения, ту единственную железнодорожную линию Петрозаводск — Костомукша, которая связывает новый индустриальный центр со всем миром. Автомобильная дорога, разумеется, не в счет: по ней не отправишь концентрат и окатыши, не привезешь, помимо жизненно необходимых грузов, солярку для БелАЗов и мазут для обжиговых машин, а его надо десятки цистерн ежедневно.

Железная дорога тут плохо технически оснащена: нет автоблокировки, не развиты станции и разъезды, плохая связь между станциями, недостаточной мощности локомотивы. Нелепо, архаично выглядят тяжеловесные составы с впряженными в них по три спарки слабосильными, изнемогающими тепловозами 1М-62. Их давно пора заменить на более мощные. А ведь колея одна, и простаивают на всех станциях и без оных, опаздывают, к ужасу пассажиров, поезда, составленные из далеко не комфортабельных, обветшалых и неухоженных вагонов. Говорят, по указанию МПС костомукшинцам был направлен новый подвижной состав, но его на Октябрьской железной дороге кто-то где-то перехватил. В общем, до порядка здесь далеко.

Неудивительно, что при таком положении дел железнодорожни-

ЕХАЛИ- СЕЯЛИ...

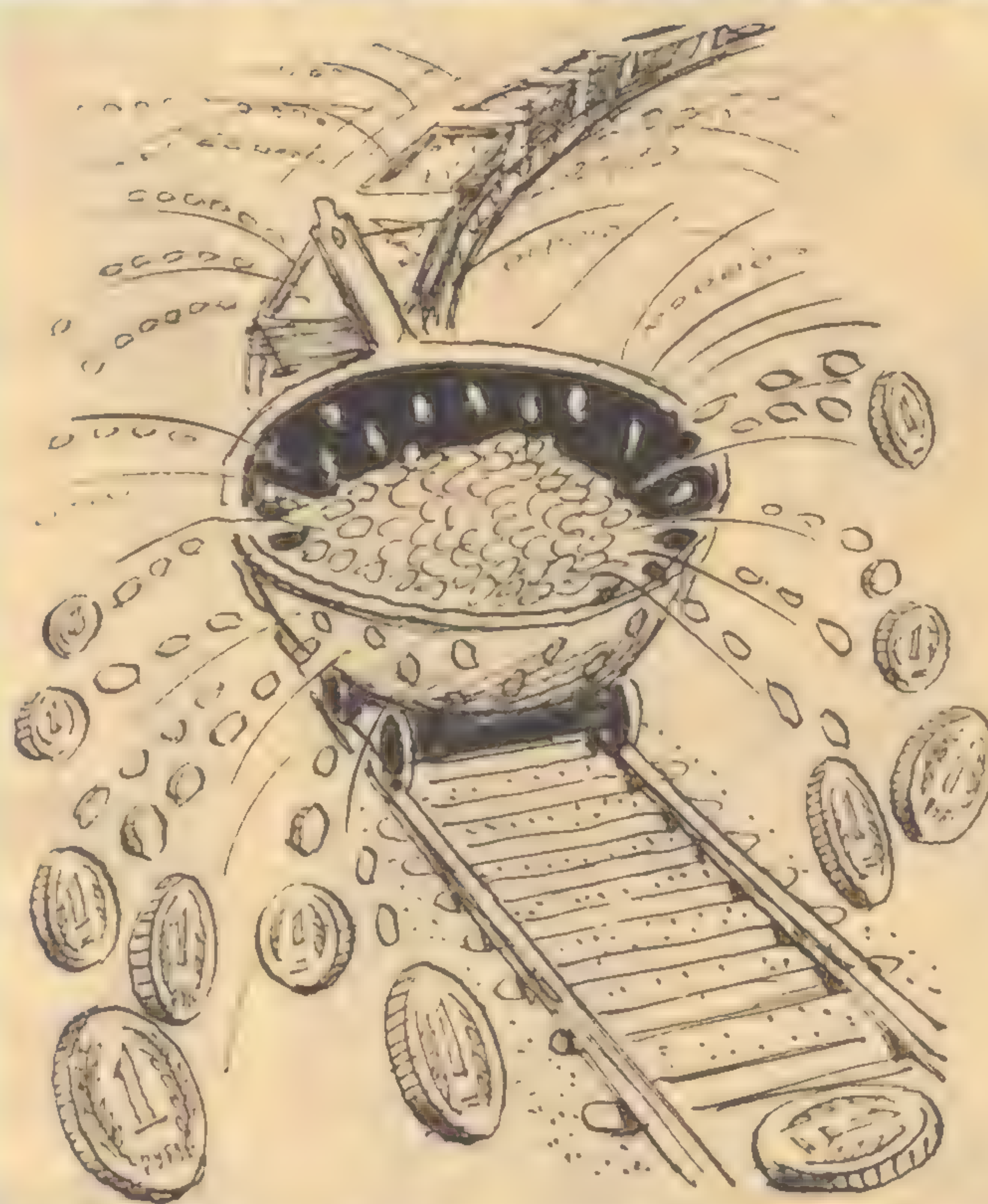

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

ки не справляются со своими планами, и растут у фабрик комбината уже не холмики — курганы... окатышей.

— За минувшую суровую зиму, — продолжал Севастьянов, — накопилось пятьдесят тысяч тонн невывезенного дорогостоящего сырья — запас, в два раза превышающий допустимый, несслежаемый. Комбинату это обходится в немалую копеечку: за недопоставку окатышей по причине отсутствия транспорта только в феврале и марте прошлого года мы уплатили штраф на сумму 119 886 рублей. Не хватает порожняка, это во-первых. Во-вторых, назрела острая необходимость увеличить пропускную способность Западно-Карельской ветки и найти другой ход от Костомукши к промышленным регионам страны. И он есть. Для этого достаточно построить ответвление железнодорожной ветки от станции Кочкома до магистралей Ленинград — Мурманск — всего менее ста километров.

Однако это только одна сторона рассматриваемой нами «меда-

ли», обратная еще более неприглядна.

— Вы знаете, сколько окатышей теряется при перевозке? — не без ехидства спросил один из горожан, не имеющий прямого отношения к комбинату. — Мы однажды с приятелем совершили небольшую прогулку вдоль железнодорожного полотна. Так с одного квадратного метра — у меня была с собой рулетка и мы замерили, — собрали семьсот окатышей. Каждый окатышек в среднем весит пять граммов. Получается три с половиной килограмма! Ну, допустим, что это был особый квадрат. Но дорога буквально усыпана окатышами. Летят в стороны за десять — пятнадцать метров.

Я не поверила. Трудно было представить, чтоб энергия, ум, усилия людей, не говоря уже о затраченных средствах, обесценивались так чудовищно! Захотела увидеть своими глазами. Пошла по шпалам, лежащим на щебенке какого-то не совсем обычного сероватого цвета. Не нужно было нагибаться, чтоб различить хорошо знакомые «орешки». Может быть,

их было и не 3,5 килограмма на квадратном метре — не подсчитывала, хотелось, чтоб это была гиперболой из серии охотничьих рассказов... Окатыши валялись никем не поднятые и никому здесь не нужные! Тысячи тонн потерянных окатышей по дорогам страны — к ее центру и Уралу. Дороги и впрямь становились «железными», подобно тому, как есть же у нас «угольные» дороги, «нефтяные»... В Комитет народного контроля Карелии, в редакции газет поступило немало писем от местных жителей поселков и деревень, в которых говорится о «посеянных» вдоль железных дорог окатышах. А ведь каждая тонна их стоит 27 рублей 50 копеек.

«В чем дело? Кто виноват?» — спрашивала я у больших и малых начальников. Ответ был однозначным: «Плохие вагоны. Плохо ремонтируются». Даже рисовали эскизы: перевернутая трапеция с насыпанной конусом горкой окатышей. Узнала, видела под погрузкой эти окатышевозы. При движении шарики скатываются в так называемые карманы или сдуваются. Случается, таранят окна встречных поездов и локомотивов. Настоящий градобой! Беда в том, что окатышевозы и полувагоны большей частью в плохом состоянии. Дырявые. Затыкают дыры ветошью, бумагой, чем только могут...

— Кто ремонтирует вагоны? — спрашивала я.

— Специально построенный для этого пункт на станции Костомукша-товарная, — ответили мне. — Но людей там не хватает, и работают они только в одну смену, а нужно, чтоб круглосуточно. Комбинат ведь ежедневно отгружает 300 и более вагонов металлургического сырья.

Справедливости ради нельзя умолчать и о причастности к потерям потребителей сырья, небрежно обращающихся с вагонами, и самих станций назначения. Республиканская газета Карелии «Ленинская правда», подробно изучавшая проблему перевозки окатышей, привела такой факт: в июне из Челябинска пришли 46 окатышевозов, требовавших заводского ремонта. Их пришлось порожняком отправлять в Барнаул на капитальный ремонт. А ведь их могли отремонтировать и челябинские железнодорожники!

Желая помочь транспортникам, комбинат создал свой участок для подготовки порожняка, и работает он круглые сутки. Содержание его обходится комбинату недешево — около двухсот тысяч рублей в год. Не прибыль, а убыток. К тому же комбинат платит еще штрафы потребителям за недопоставку окатышей в самих вагонах. Только за прошлый год штрафы превысили 220 тысяч рублей. Множество претензий поступило от заказчиков и в этом году, особенно дальних — из Челябинска и Липецка. Однако никакие суммы не в состоянии возмездить тот ущерб, который приносит народному хозяйству материальные потери десятков тысяч тонн прекрасного драгоценного сырья, ради которого выросли здесь и комбинат, и город, сырьем, крайне нужного для производства стали.

Вот о чем еще думается: вероятно, неудачны и сами конструкции вагонов. Что скажет по этому поводу наука? Например, Новосибирская лаборатория по сохранности грузов Института железнодорожного транспорта?

Стенд для испытания криогенной техники.

Ю. СУРХАЙХАНОВ.

фото И. ТУНКЕЛЯ

ФОРПОСТОМ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА НАЗВАЛ НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «КРИОГЕНМАШ» ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЦК КПСС МИХАИЛ СЕРГЕЕВИЧ ГОРБАЧЕВ. НАШИ СПЕЦИАЛЬНЫЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ ВЕДУТ РЕПОРТАЖ ИЗ ЭТОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ.

ускорение

ОСОБЫЕ УСЛОВИЯ

...Свинцовый колокольчик звенел словно хрустальный. Всего минуту назад, помятый, издававший какой-то неживой стук, он казался злой карикатурой на серебряный. Жидкий азот, в который на несколько секунд погрузили колокольчик, одарил свинец прозрачным, чистым голосом. Под воздействием криогенной, то есть сверхнизкой, температуры в его свинцовом теле произошла мгновенная перестройка атомов, молекул, натянулось струной нечто невидимое глазу, и мы стали свидетелями чуда: родилось новое качество.

В криогенике действительно есть нечто от чуда, фантастики: стоит в чистом ли поле, в городе ли завод как завод. Но не подкапывают к его воротам грузовики с сырьем: ни с лесом, ни с рудой, ни с хлопком-сырцом. Сырье — воздух, которым мы дышим, воздух, который не замечаешь... А вот готовая продукция вполне материально видима: течет, льется жидкий воздух, распадается на составляющие его газы. Кислород нужен, например, при сварочных работах. Кислородное дутье в сталелитейной промышленности позволяет время одной плавки сократить до 40 минут вместо 12 часов. Азот используется для получения высокочистых, без примесей, металлов, он незаменим в химической промышленности, в производстве минеральных удобрений...

Инженер-исследователь Надежда Константиновна Дунаевская.

Научно-производственное объединение «Криогенмаш» разрабатывает и производит более половины всего выпускаемого в стране криогенного оборудования, а доля новой техники в общем объеме выпускаемой здесь продукции ежегодно достигает 60—80 процентов. Проценты эти полновесно золотые, ибо именно они полностью избавили страну от импорта криогенного оборудования. Объединение вывело свою отрасль на самые передовые позиции. Здесь разработаны и выпускаются установки, вообще не имеющие аналогов в мире. «Криогенмаш» стал крупнейшим поставщиком как лицензий, так и конкурентоспособных на мировом рынке машин и установок.

Возглавляет НПО его организатор, генеральный директор объединения, Герой Социалистического Труда, член-корреспондент Академии наук СССР В. П. Беляков. Поражает в этом человеке сочетание: выдающийся ученый и крупный производственник. Такая интеграция в одной личности руководителя не часто встречается. Прежде, до создания объединения «Криогенмаш», Виктор Петрович возглавлял научный

институт; получив же наконец и производство, первые годы, по его собственному признанию, считал своим главным рабочим местом заводские цеха, был в первую очередь директором завода, а потом уже всего НПО. Перестройку работы начинал с себя... Есть в нем некий беспощадный максимализм и самому себе, какой встретишь лишь у командиров громадных строителей. Присущее В. Белякову, как и всем крупным советским ученым, качество сопоставлять возможности своей области деятельности с насущными потребностями Родины дает ему право распространять свой максимализм на других.

— Я мечтаю о том времени, — говорит Виктор Петрович, — чтобы во главе каждой отрасли, каждого производства стоял ученый — генеральный конструктор. Слишком многочисленны еще у нас примеры, когда наука безнадежно стучится в ворота производства. А ведь в тесной их взаимосвязи прямая даже не взаимовыгода, а выгода общая — государственная.

До создания нашего НПО, — продолжает он, — криогеника развивалась лишь формально. То есть научно-конструкторский институт создавал новые, перспективные образцы техники,

Заправка сосудов Дьюара жидким азотом.

но воплощение идеи в металле задерживалось на многие годы. Это тем более досадно, что именно у нас в стране было сделано открытие, которое послужило трамплином для революционного скачка в развитии мирового криогенного машиностроения. Я имею в виду научные исследования академика Петра Леонидовича Капицы: его воздухоразделительную установку, на которой он впервые в мире применил изобретенный им турбодетандер — за работы в области физики низких температур П. Л. Капице была присуждена Нобелевская премия.

— В чем причина успехов объединения? — спрашиваю я.

— В единении большой науки и производства, в особых условиях организации работы. Мы, например, создаем новую технику, минуя такое дорогостоящее и, я бы сказал, хлопотное и бесполезное для конструктора и производственника мероприятие, как создание опытного образца. К этому еще не привыкли и заказчики, и наше начальство. Иногда спраши-

вают: «Как же так, а вдруг у вас не выйдет?» Должно выйти! К тому же наши современные установки зачастую подобны хорошему заводу. Так что мы их у себя даже и не собираем полностью. Отправляем готовыми узлами и блоками — несколько железнодорожных составов! Но проверять проверяем... Каждую новую конструкцию проверяем поэтапно на испытательных стендах. В объединении создана прекрасная экспериментальная база с большим резервом возможностей: работаем и на производство, и на большую науку, то есть с запасом.

...В одной из лабораторий экспериментальной базы и прозвучал мелодичный звон свинцового колокольчика, словно приглашение познакомиться не только с возможностями сверхнизких температур, но и той творческой силой, что таится в коллективе и которая создает те самые особые условия, рожающие новое качество.

...Вспоминаю облитые слепящим светом металлогалогенных ламп, изумрудно-зеленые, с неповторимым ароматом только что лопнувшие и готовые развернуться в лист почки черной смородины, черенки которой «перезимовали» в жидком азоте при температуре минус 193 градуса. В Институте физиологии растений АН СССР мне тогда пояснили, что одна из целей эксперимента — воспитание у растений морозостойчивости. Естественно, тут же вспомнили сорокаградусные морозы в канун 1979 года, нанесшие урон садам Подмосковья и соседних областей. А тут такое... Весь секрет в том, что замораживание идет по специальной программе: при сверхнизкой температуре растение не гибнет, а погружается в глубокий сон, так называемый анабиоз. Не только растения, но и другие живые организмы могут полностью сохранять жизнеспособность в условиях сверхнизких температур. Промышленность выпускает оборудование для замораживания, хранения и транспортировки семян племенных пород скота.

Медицинами разработаны методы хранения в криогенной среде некоторых органов человека для пересадки больному. Один из крупнейших советских ортопедов-травматологов, А. С. Имамалиев, открыл, что с помощью сверхнизких температур можно устранить явление биологической несовместимости в костях конечностей, предназначенных для имплантации.

В США несколько состоятельных, преклонного возраста людей предпочли еще при жизни погрузиться в анабиоз, опять же в среде жидкого азота, до того времени, как медицина подберет ключи к бессмертию. С обычной точки зрения это, конечно, и реклама, и причуда богача, но с научной точки зрения это можно рассматривать как эксперимент. Не исключено, что наступит время, когда для безнадежно больных людей это будет вполне реальный путь к восстановлению здоровья...

Промышленность, сельское хозяйство, медицина — везде нужна криогеника.

Ученые объединения работают также в тесном контакте с исследователями новых видов и источников энергии: участвуют в создании установок для управления термоядерной реакцией; в области сверхпроводимости. Известно, что при передаче на большие расстояния из-за сопротивления в проводах теряется много электроэнергии. Получается, что из трех одинаковой мощности электростанций одна работает лишь на преодоление этого сопротивления. Однако если проводник электричества погрузить в сверхнизкую температуру, сопротивление исчезает.

В «Криогенмаше» нам показывали участок такого сверхпроводящего кабеля, сулящего огромную экономию электроэнергии. Чрезвычайно сложная конструкция! Проводник уложен в жидкий гелий, в свою очередь, «термос» с гелием уложен в «термос» с жидким азотом, который теплее гелия примерно на 70 градусов и препятствует его испарению. Азот тоже нужно предохранять от испарения. Даже в специальных сосудах Дьюара, где он хранится, азот находится постоянно в состоянии кипения. К тому же в герметичной оболочке его держать нельзя — взорвется...

К криогеникам с заказами на продукцию обращается все больше различных отраслей хозяйства.

— Как удовлетворить всех? Вероятно, путь один — расширение производства? — С этим вопросом я обращаюсь к Виктору Петровичу Белякову и его заместителю по науке Виктору Ивановичу Сухову, когда мы в очередной раз встречаемся в кабинете генерального директора.

— Весь прирост объема продукции за две последние пятилетки (трехкратный) получен нами за счет повышения производительности труда, без увеличения численности работающих и дополнительных капиталовложений. Кстати, нынешнюю пятилетку мы уже завер-

шили к апрелю... — говорит Виктор Иванович.

— На двенадцатую пятилетку у вас запланированы столь высокие показатели, что невольно, извините, возникают сомнения. Объем производства вы собираетесь увеличить почти на сорок процентов, а рост производительности труда — более чем на 40. Для такого скачка все ваши резервы, думается, будут исчерпаны...

— С резервами бывает как с хорошим колдцем, — улыбнулся В. П. Беляков, — чем чаще из него берут воду, тем активнее он пополняется. Но это образ, а вот конкретно вам пояснит Виктор Иванович Сухов, он у нас специалист в области управления производством.

— Открою секрет: все, чего мы достигли сегодня, сделано главным образом благодаря работе по совершенствованию управления во всей деятельности НПО, нашедшей свое воплощение в интегрированной системе управления наукой и производством, иными словами, слиянию в НПО науки и производства. В качестве объекта управления взяли цикл создания новой техники: ликвидировали все существовавшие ранее промежуточные звенья порочной цепи — от научной идеи до реально действующей промышленной установки. Мы создали новую систему сквозного планирования с четко определенными сроками исполнения. Во главу угла нашей работы поставлены интересы заказчика. Скажем, тому же металлургическому заводу сдаем заказ, как выражаются строители, «под ключ», то есть запускаем изделие, гарантируем всяческую помощь и опеку первые три года эксплуатации наших установок и за это время обучаем специалистов завода. Созданная нами интегрированная система управления состоит, в свою очередь, из комплексных систем, с помощью которых мы управляем эффективностью производства, качеством продукции, научно-техническим развитием и технической подготовкой производства... Сами названия объектов управления дают представление о том, чем можно управлять. Я не буду раскрывать в подробностях каждую, если специалистов это интересует, двери нашего методического кабинета открыты для всех.

Вас насторожили планируемые цифры роста, — продолжает он. — Действительно, напряженные, но построенные наши планы на четких расчетах. Планировать такие высокие показатели позволяет интегрированная система управления. Благодаря ей мы последовательно осуществляем унификацию производства. Что это такое? Наши конструкторы, создавая новую технику, не позволяют себе ненужную роскошь — изобретать заново детали машин. Переработав сотни чертежей, мы выявили универсальные сборочные узлы, детали, выпуск которых у нас уже налажен, и конструктор при создании оригинальных изделий пользуется ими как готовыми. И уже не нужно перестраивать производство — вот вам и рост производительности труда. Потом сроки проектирования сокращаются примерно в два-три раза да и объем документов во столько же. Конечно, работа по унификации очень кропотлива, сложна. Еще недавно выгода здесь виделась только в крупносерийном производстве. Однако это не так. Хотя мы работаем как бы в режиме ателье индивидуального пошива, однако сумели поднять уровень унификации до восьмидесяти процентов.

— Не забывайте, — в разговор включается Виктор Петрович Беляков, — унификация — это экономия людских ресурсов, материалов и энергии...

НПО — самая прогрессивная форма производства на сегодняшний день, потому и создают их. Но мало издать приказ по министерству. Необходима еще и большая степень доверия. Фирма только тогда по-настоящему фирма, когда обладает значительной самостоятельностью, а всякая мелочная опека дискредитирует самую идею объединения. В научно-производственном объединении «Криогенмаш» пошли на риск и создали особые условия управления производством. Но и это не предел совершенствования. Виктор Петрович дальнейший прогресс в своей отрасли связывает с концентрацией всего криогенного машиностроения в рамках Всесоюзного научно-производственного объединения.

Опять надо создавать, разрабатывать новые особые условия? Да! Весь предыдущий опыт «Криогенмаша» позволяет верить, что эти условия вновь дадут новое качество. Это и есть путь революционного взамен эволюционного развития советской промышленности — именно эту задачу ставит перед всей страной партия в своих последних решениях.

Анатолий КАЛИНИН

1

Не знаю лучшего мгновения
У дня грядущего в ряду,
Чем то, когда стихотворение
С утра рождается в саду,
Когда оно росой жемчужной
С листа дремотного ползет
И первой нотой ненадуманной
Скворцу отвагу придает,
Когда оно в тумане к устью
Струится, путаясь в лугу,
И я один с своею грустью
Стою у времени в долгу.

2

Дожди слепые! Почему
Мне так печально и тревожно?
А что случилось, невозможно
Никак понять мне самому.
Когда, сшивая землю с небом
Иглы мгновенной серебром
И степь наполнив духом хлеба,
Вы бьете в бубен за бугром,
Когда сквозь солнечную пряжу
Мелькнув внезапно вдалеке,
Знакомый мальчик будто скажет,
Что все уже на коротке,
И вдруг живые нити рвутся
Травой, подкошенной в лугах,
Мои ли это слезы льются
Иль ваши капли остаются
Так долго сохнуть на щеках?

3

Покамест медлят сенокоски
Траву укладывать в стога,
В Москву от них на перекрестки
Сбегают летние луга,
Взмывая в заревах мгновенных
Игрой невиданных цветов
В руках красоток несравненных
На стеблях шелковых зонтов,
Подстерегая светфоры
Под шорох мчащихся машин
И привораживая взоры
Любви заждавшихся мужчин,
Тая загадочные блески
В тени упругих лепестков
И опьяняя перекрестки
Нездешним запахом духов.

Звезда над лугом

4

А что если вдруг
Я уйду от ответа
На этот внезапный
Вопрос о рассветах?
Конечно, они
Неизменно роскошны,
Но все-таки будьте
Вы впредь осторожны.
Иначе мне в пору
И впрямь удивиться:
Неужто в меня
Еще можно влюбиться?
И зря я смирился,
Считая утраты,
Что мне остаются
Одни лишь закаты.

5

Счастливым станет навсегда,
Кто вдруг нечаянно узнает,
Что беззаветная звезда
Его всю жизнь сопровождает.
С недостижимых высот,
Его из вида не теряя,
Она ему лишь только шлет
Свой свет, дорожку озаряя.
При свете том он набредет
На луг, никем еще не смятый,
И там судьбу свою найдет
В траве, безмолвием обаятой.

6

Любовь всегда самозабвенна,
Она не то что без стыда,
А без оглядки откровенна
В своей невинности всегда.
Ей недосуг, от уст уста
На пошлый шепот отрывая,
Спешить оправдываться, зная:
Она сама собой чиста.
И, с незапамятных времен
Уже привыкнув вне закона
Являться судьям непреклонным,
Она сама себе закон.

7

Я окликал тебя не раз,
Но ты стонала еле-еле...
Какие скорби в этот час
Могли сойтись к твоей постели?
Какая боль, ломая бровь,
Срывала с губ глухие звуки?
Какая тень твою любовь
Смущала призраком разлуки?
И я решил, что лучше штору
В проеме синем опустить,
Звезды далекой чтобы взору
К тебе все доступны закрыть.

8

Ты не спрашивай, пожалуйста,
Отчего я сам не свой.
Не могу тебе я жаловаться,
Это случай не такой.
Ты рванулась бы стремительно
Взять и боль мою и грусть.
Я ж теперь всего мучительней
Этой жертвы и боюсь.
Думал я, что только смолodu
Сердце рвется из узды,
Как пришлось ему расколоту
Быть от лезвия звезды,

Но какой бы внешней силою
Не был вдруг я потрясен,
Я к тебе все так же, милая,
До конца приговорен.
И, как видно, не иначе нам
Чей-то зависти в ответ,
А пройти еще назначено
Через этот звездный свет.

9

Ни тебя, ни себя
Я не ввергну в беду
И не выйду встречать
Голубую звезду.
Ей на небе светить
В ореоле венца.
Мне тебя долюбить
На земле до конца.
От нее сохранить
Я сумею любовь,
Так и быть, так и быть
Зарубцется боль.

10

Не упади, звезда, на землю,
Тебе на ней и места нет.
Лишь только в небе и приемлют
Земные очи звездный свет.
Не урони себя с вершины
В молниеносной борозде,
Не оставляй в ночной пустыне
Мне только память о звезде.

11

Перед тем как в бессонное сердце
С дальним эхом войдет острое,
Я хочу на тебя насмотреться,
Незакатное счастье мое.
Я хочу, чтобы ты, как бывало
На исходе коротких ночей,
Напоследок опять подремала
В тишине у меня на плече.
Вот и все. Но хочу я сначала
Так суметь, и за гранью любя,
Чтобы имя мое защищало
В этом мире надежно тебя.

12

Когда положенные сроки
Уже пройдут, смотри, звезда,
Пролить свой свет на эти строки
Не позабудь, не опоздай.
А чтобы не было сомнений
В их сути истинной, отмой
Ты их от праха наслоений
Своей небесною слезой.
И кто-то, может быть, в ненастье
Внезапных ввергнутый страстей,
Свое извлечь сумеет счастье
Из им же сотканных сетей.

13

Ты слышишь, как топот, а может быть, град
Вдруг ночью в саду пронесется?
Но это с чрезмерною ношею сад,
Плечами взмахнув, расстается.
Во сне задрожав от грозящей беды,
Себя облегчая по праву,
Он хочет сберечь золотые плоды,
Ему приносящие славу.
И ты, суете не ввергаясь в рабы,

Дежурным соблазнам в отдачу,
Скорее отринь их от главной судьбы,
Которой себя предназначил.

14

Совсем не зря хлопочет зависть
Под корень сразу извести
Все то, что обещает завязь,
Все то, что может зацвести.
Коль есть на свете бес сомнений,
То лучше будет вовсе без
Любых соблазнов для сравнений,
К которым склонен этот бес.

15

Не отмоются, не сотрутся —
Нет ни силы такой, ни воды —
Остаются они, остаются
Не на коже, так в сердце следы.
Нехорошее дело — стараться
Все, что было, теперь отбелить.
От ошибок нельзя отказаться,
С ними надо, как с совестью, жить.
Чтобы ныли они и терзали,
Чтобы жгли и бросали в озноб,
По ночам чтобы спать не давали
И лелеяли мужество чтоб.
Чтобы помнить, стыдиться и видеть,
Как урок навсегда сохранить:
Никого на земле не обидеть,
Ни слезинки чужой не пролить.

16

По преданию, царица,
Среди всех других забот,
Из тебя ручную птицу
Чуть не сделала, угод.
Но поскольку на рассвете
Даже страже время спать,
Ты однажды как-то сети
Ухитрился разорвать.
И из сказки фараона
Вплоть до наших дней донес
Эту гордую корону
И волшебный этот хвост.
Всем отрада ты и чудо.
Только тоже ведь нельзя,
Если всюду видеть худо,
Над планетою скользя;
Если людям спозаранку,
Как в награду за приют,
Все твердить, как будто в склянку
Дуть пустую: «Худо тут».
То ли стонешь, то ль хохочешь,
Иль предчувствием томим,
Ты о чем-то вспомнить хочешь,
Из пустыни и из ночи
Прилетевший пилигрим?

17

Нет, это неправда, что слава о Доне
Теперь только в песнях одних остается.
По следу копыт на суглинистом склоне
Найдем и отроем казачьи колодцы,
Достанем воды из подземного чрева,
Напоим коней и в походные фляги
С собой наберем у бессмертного древа,
До самой Москвы запасая отваги.
От гордой станицы до гордой столицы
Весь след воскресим, постигая безмерность
Пройденных дорог, и граненые лица
К Кремлю обратим, присягая на верность.

Владимир ЦЫБУЛЬСКИЙ

Тридцать шесть лет прожил на своей даче пенсионер и ветеран войны Иван Гаврилович Шамаев с супругой Катериной Григорьевной. А под старость решил вдруг пай свой дачный, кооперативный, дочери передать.

— Старые мы стали, трудно дом и участок обиходить, в порядке содержать. Да и дочке наследство проще оформлять будет, — так убеждал Иван Гаврилович себя, жену и соседей и в конце концов настоял на своем: документы оформил, пай на дачу дочери передал.

Год спустя скончалась супруга

Мы спустились с платформы и шли по мокрой дороге к дачкам кооператива «Серебрянка». Дождь стучал по старомодному, черным пузырем, зонту Шамаева. От длинного сарая ехал навстречу на телеге кооперативный сторож Матвейч. «Дурак же ты, Иван, — сказал, поравнявшись. — Я ведь как тебе излагал? Кто свой дом отдает, хотя бы и дочери? Все, что хочешь: одежду там, деньги, но дом, пристань последнюю... Эх, Иван!..» Конюх с досадой дернул вожжам и прокатил мимо.

— Это он ругается так, по-приятельски, — пояснил зачем-то Шамаев и, остановившись у калитки, вздохнул: — Вы уж сами идите, поговорите с зятем. А я у соседей пережду...

Иван Гаврилович ушел. Я остал-

изменилось в квартире. Начались коммунальные дележки, пошли ссоры. Перестали все вместе чай пить на кухне. Скоро и дети научились говорить: «Свое запереть надо». Когда получили отдельные квартиры и разъехались — были только рады.

...Раскисаясь, поскрипывая из осеннем ветру серым призраком дачный корабль — бывший дом Шамаева. Кто-то здесь — и когда? — первый сказал «мое»?..

Человек — вещь — собственность — человек... Где-то в клубке этих отношений скрыты ответы на наши болезненные нравственные вопросы.

Мы работаем, чтобы росло благосостояние — и оно растет. Но

общему, бесспорно, — и не ошибались.

Но, помимо этой истины, обнаружили и другие. Например: меньше получает и тот, кто хуже работает. Живет лучше и тот, кто работает лучше. Бесспорность превосходства «идеалиста» в быту над «практиком» оказалась под сомнением. Человек и явление не уместались в привычную схему.

Поиски ответов продолжаются.

И все же можно с уверенностью сказать: вещи, собственность, желание комфорта — все это имеет смысл, пока в стремлении к нему не нарушаются известные нравственные границы, за которыми — и ожидание смерти родственников в предвкушении наследства, и выживание стариков из дома, и

...Судились
отец
с дочерью.
И дикость,
противоестественность
этого
процесса
были
понятны
им самим...

ГОРЬКИЕ ЗЕРНА

Катерина Григорьевна. А еще через год дочь Тамара Ивановна, пригрозив старику милицией, вообще запретила отцу появляться на даче...

Дочь Шамаева, суховатая, нервная в движениях женщина, встретила меня строго, спросила напористо:

— Журналист? Зачем вы пришли, жур-на-лист? Вы же не пишете, как пенсионер и ветеран хотел обокрасть собственную дочь!

Разговор наш происходил в суде, где должно было слушаться дело Шамаевых о правах на дачу. Судились отец с дочерью, и дикость, противоестественность этого процесса были понятны даже им самим: Иван Гаврилович подавленно молчал, Тамара Ивановна изо всех сил старалась не смотреть в его сторону, но потом все-таки сорвалась: «Ты... не отец мне больше!»

...Шамаев оказался высоким, сутулым и немногословным стариком. Он все посмеивался чему-то невесело и виновато втягивал голову в плечи, когда говорил.

ся один перед серым, с линиями стенами домом, угловатым от пристроек, крылечек и застекленных веранд. Дом исподлобья смотрел на меня слезящимися глазами окон и, казалось, раскачивался на ветру в осенней призрачности заборов и деревьев, как старый корабль. Дом выглядел нежилым. И мне вспомнилась такая история.

Лет двадцать назад один из музейных теперь арбатских особнячков был жилым, и была в нем квартира-коммуналка со множеством комнат, длинным темным коридором и общей кухней. Жили в квартире дружно, пекли по вечерам и по праздникам пироги и блины, пили все вместе чай на кухне, вместе детей растили; ни ссор, ни скандалов — хорошо жили. Но въехал в квартиру новый жилец, маленький человек с быстрыми глазами, и тут же стал пристраивать замочки в кухне, на ящиках в коридоре и кладовке — у него их много было. «Это — мое, а свое запереть надо». Над ним посмеивались, даже прозвище дали: «Человек с замочком». Незаметно, не сразу, а все как-то

вместе с ним растут и проблемы. Как относиться к «престижным» вещам? Можно ли брать деньги у родителей, если тебе уже тридцать и ты вполне способен зарабатывать их сам? Что происходит с людьми, когда есть «вещь» и появляется право сказать «моя»?

Человек, выросший в скупые на радости тридцатые или пятидесятые годы, наших вопросов просто бы не понял. Современнику не надо ничего объяснять: эти вопросы, что называется, у него «на слуху».

Как только определилось, что вопросы морали залегают сегодня и в «вещной» сфере, мы поспешили решить их сразу и просто, однозначно осудив всех, стремящихся обладать вещами. Сами вещи мы отвергли как-то попутно. Так сказать, полемически увлеклись. Человеку, одетому в дорогой костюм, обладателю машины и дачи мы поспешили пристегнуть моральный минус. Бессребренника, «замкнутого» на идею и работу, наградили плюсом. Мы исходили из того, что моральное превосходство отказавшегося от личных благ ради общественных интересов над тем, кто предпочел свое

долгие и жестокие тяжбы из-за имущества...

В истории с дачей, ставшей причиной распада семьи Шамаевых, нравственная проблема сузилась и предельно обнажилась: собственность и мораль в семье, отношение к собственности разных ее поколений.

В сущности, это история о воспитании чувства собственности, ибо вещи сами по себе не воспитывают. Воспитывают люди.

Впрочем, если родственники Шамаева и были собственниками, то какими-то нетипичными. Запретив отцу появляться на даче, Тамара Ивановна и сама там не жила. Дача два лета сдавалась, но денег с постояльцев Тамара Ивановна не брала. Выходило — собственность собственности, но было и кое-что еще.

Все дело тут было в характере семейных отношений.

В семье Шамаевых воспитывалась самая распространенная разновидность чувства собственности на человека.

...В летней холодной кухне ждал меня зять Шамаева, Николай Да-

нилович, суетливый человек, надевший зачем-то черные очки. Пускать меня в дом Николай Данилович не спешил.

— История эта сложная, сложнейшая, — говорил он, потирая руки и глядя как-то вбок. — Тут — характеры!.. А дед тоже хорош! Жили дружно, заботились о нем, а он на нас в суд подал!..

Вроде бы правду говорил Николай Данилович. Я спрашивал потом Шамаева, и он подтвердил: до передачи прав на дачу, а, вернее, до смерти супруги Шамаева Катерины Григорьевны, жили Шамаевы, в общем, дружно, причем долгое время — в одной квартире, куда жена Ивана Григорьевича перевезла его с дачи после рождения внука Алека. Жили вместе, растили внука, потом мирно разъехались. Когда умерла жена Шамаева, дочь забрала старика к себе.

— Да, не бросали мы деда! — нервно вдохновлялся Николай Данилович. — Хоть он и капризничал, и ехать не хотел, но сын мой и внук его Алек вещи собрал, деда в охалку, на такси — и к нам: живи, дед! И мы ухаживали, лечили...

Все было так — и не совсем так. Тамара Ивановна и Николай Данилович в общем-то были убеждены, что Шамаев — симулянт и все его болячки придуманы. Оба со смехом рассказывали мне, как дед сначала пил лекарства, понижающие давление, потом — повышающие, а потом, испугавшись, пытался вызвать «Скорую помощь». А в общем-то в доме Тамары Ивановны со стариком не считались; гоняли его по магазинам и на прогулки с хозяйской собакой. Внук деда тоже не забывал и «подбрасывал» при случае правнука. И гулял дед с собакой и с коляской.

«Ну не мог я там жить, не мог, — говорил мне потом Шамаев. — Там я ни мнения, ни желания своего не имел. Они на меня как на предмет смотрели».

Дед вернулся в свою квартиру, которая, по всем подсчетам семейства, должна была перейти к внуку Алеку, и наотрез отказался возвращаться к дочери. Нужно было что-то срочно решать. На семейных телефонных и не телефонных советах — разумеется, в отсутствие Шамаева — начали обсуждаться разные варианты, в том числе и такие: дед едет в однокомнатную внука (без прописки, естественно, он ведь скоро умрет и тогда дедова квартира окажется безвозвратно потерянной), Алек же получает дедову двухкомнатную. Или так: дед — ветеран, ему можно хлопотать о расширении и т. д. ...И опять-таки мнения самого Шамаева никто при этом не спрашивал — ведь он старик, а стоит ли считаться со стариком?

Самое уязвимое звено в развитии семейных отношений — смена ролей. Был отец — стал дед. Была дочь — стала молодая мама. Была мама — стала бабушка. Смена ролей — серьезнейшее испытание для членов семьи, испытание на умение жертвовать ради любимого человека своими чувствами — и не только ими. «Я его растила, все отдавала ему, а он...» — возмущается мать сыном, женившимся и ставшим как будто равнодушным к ней. «Мне так тяжело с маленьким, а она думает только о себе и своей работе!» — оскорбляется дочь поведением совре-

менной молодой бабушки. «Зачем ты привел в дом эту женщину? Разве нам было плохо вдвоем?» — вопрошает сын разведенного и вновь женившегося родителя.

Когда мы говорим «мой отец», «моя мать», «мой брат», важно для нас, конечно же, что «отец» и «брат», то есть важны наши чувства родства и признательности, готовность прийти на помощь. Но важно и то, что это все-таки МОЙ отец и МОЙ брат, и в этом «мой» — наша личная ответственность за судьбу близкого человека.

Опасно, когда, обманывая себя, а то и попросту усыпляя собственную совесть, мы превышаем свои права на близких для того только, чтобы «устроить» собственное спокойствие. Опасно, когда «мой» и «мое» наполняются чувством собственности на человека и затмевают и «отца», и «брата», становясь главным в семейных отношениях.

Уважение и любовь вытесняются тогда стремлением побольше взять под предлогом заботы. Родственные чувства заменяет их внешняя сторона — приличия. И вырождаются они постепенно в отношение к человеку как к предмету, роль и место которого определены раз и навсегда.

В нашей истории был отец — стал старик. Отец — это только дающий и обязанный давать. Старик — только беспомощный, только беззащитный, да еще желающий, чтобы с его мнением непременно считались и его уважали. Так, во всяком случае, понимали перемены, происшедшие в Шамаеве, его дочь, зять и внук. Перемены эти совершались незаметно. Готовили к ним члены этой семьи друг друга всю жизнь.

Как же жили Шамаевы до этой истории с дачей?

Прежде всего главенствующая роль в семье принадлежала супруге хозяина. Катерина Григорьевна была женщиной властной, всегда знала, чего хочет, возражений не терпела, и место Ивану Гавриловичу было определено с первых лет совместной жизни: Иван Гаврилович — человек при ней, при жене.

По обыкновению родителей военного поколения, Катерина Григорьевна воспитывала дочь по известному принципу: «Мы в войну пострадали, так теперь все ребенку отдадим, чтобы он жил лучше, чем мы». Это было главной педагогической заповедью родителей целого поколения. Это было поколение родителей, невольно воспитывавших в собственных детях отношение к себе как к людям некоего второго сорта.

При взаимном уважении и любви родителей такое воспитание хотя и давало крен в сторону неравенства между родителями и детьми, но все же воспитывало детей в границах нравственного принципа, по которому отец и мать достойны были уважения и заботы о них в старости.

В семье Шамаевых к неравенству между родителями и детьми прибавилось неравенство между родителями. Иван Гаврилович — отец — был человеком «второго сорта».

Покривила душой Тамара Ивановна, когда говорила мне в суде, что мать боялась отца. Все, кто знал семью Шамаевых, подтверждали: Катерина Григорьевна со-

вершенно не считалась со своим «стариком», могла накричать на него, могла и ударить. Иван Гаврилович только голову в плечи беспомощно втягивал. За годы супружества и отцовства позиция его в семье оформилась и была по-своему неизменной. Ее можно было бы определить одним словом: уступчивость.

Всем в доме владела супруга. Она не навешивала замки и не говорила «свое запирайте надо», как тот «человек с замочком» из арбатской коммуналки. Но каждый ее поступок словно говорил: здесь все мое. Мой дом. Моя дача. Мой муж. Дочь вторила ей всю жизнь вначале про себя. А после смерти матери вывезла из ее дома все до последней простыни. Потом «вывезла» и самого Ивана Гавриловича. Когда же старик взбунтовался, захлопнула перед ним дверь квартиры и заперла дачу — мое!

...Когда родился внук, Катерина Григорьевна, не интересуясь особым мнением мужа, самолично постановила: отдельную их квартиру обменять, съехаться с дочерью — она, Катерина Григорьевна, будет нянчить внука. Иван Гаврилович промолчал.

Молча бегал Шамаев по аптекам и по магазинам за продуктами. Катерина Григорьевна командовала на кухне. Все это воспринималось дочерью и зятем как должное. Родители уже тогда были для них стариками, теми, кто не может иметь ничего своего — ни времени, ни желаний. Старики — это не те, кто живет. Это те, кто доживает. По такой схеме строилась жизнь в шамаевском доме. Основу такой схемы составляли две вещи: слепая любовь к дочери Катерины Григорьевны и ставшие стержнем характера Ивана Гавриловича уступчивость и покорность. Все это и породило равнодушный деспотизм дочери и зятя.

В еще большей степени повлияло это на отношение к старикам внука.

Рос Алек и очень хорошо понимал, что родители его матери — старики. С этим и вырос. Когда отец с матерью построили кооператив, ехать с ними Алек отказался, остался с дедом, спокойно считав, что раз дед — старик, значит, квартира, считай, уже у него в кармане. При первой же возможности сгреб деда в охалку — и к матери: живи, дед. Потом, когда дед заупрямился и не захотел освободить жилплощадь, Алек в бешенстве звонил ему, спрашивая: жив ли еще?

...Был отец, стал старик. Когда они это поняли? Дочь, зять, внук? Может, так и не поняли?

Уважения, заботы, внимания, признательности — не было ничего этого в семье Шамаевых по отношению к мужу, отцу, деду. Само понимание старости у родственников Ивана Гавриловича было ложным, потому что так воспитывал их, в сущности, сам Иван Гаврилович, слишком рано согласившийся стать именно тем, каким его хотели видеть в семье, — не имеющим своего мнения, всегда покорным стариком. А когда подошла настоящая старость и Иван Гаврилович понял, что с этим воспитанным в его близких отношении ему долго не протянуть, — что-либо изменить было уже невозможно.

И что такое была эта передача в кооперативе дочери Тамаре,

как не запоздалая и уже тем одним обреченная на неудачу попытка утвердить себя в глазах дочери личностью, заставить отнестись к себе иначе? А вышло, как и должно было выйти. Посеянное проросло. Воспитанное дало плоды. Если естественная эта перемена — «был отец, стал старик» — есть испытание на нравственность, семья Шамаевых не выдержала его...

...Когда Тамара Ивановна узнала, что отец познакомился с пожилой женщиной, согласившейся скрасить его одинокие дни, всякие отношения с ним прекратились. Старика было строго-настрого запрещено появляться на даче под тем предлогом, что его новая-де жена, несомненно, аферистка, намерившаяся прибрать к рукам шамаевское наследство. При этом дочь Шамаева новую супругу Ивана Гавриловича ни разу не видела и даже не разговаривала с ней. Да Тамаре Ивановне это было и не нужно. В сущности, изменения в личной жизни отца стали только предлогом для того, чтобы избавиться от старика, вдруг вышедшего из повиновения.

Семья — сплетение судеб, характеров и отношений. Семья не прощает. Она помнит все: любовь и жертвы, лицемерие и жестокость. В ней все учит и все дает всходы.

И вот уж вырос у Тамары Ивановны сын, получивший через деда квартиру, а через мать — обстановку для нее и бросивший потом за ненадобностью и деда, и мать. По сути, сын поступил со своей матерью так же, как она в свое время обошлась со своим отцом.

Проросло, дало всходы горькое семя зла. Какой «урожай» принесет будущее? У сына Тамары Ивановны, внука Шамаева, растут дети. Их двое.

...В конце концов Николай Данилович решил показать мне дом. Три отдельных входа, две веранды, четыре комнаты внизу и две наверху.

— Здесь мог бы жить дед. И здесь, — проводя по комнатам, обставленным тяжелой старой мебелью, говорил Николай Данилович. — Но при одном условии: он должен оставить эту свою новую жену. Хотя теперь, когда он подал в суд, мы ему, понятно, уже ничего не предлагаем...

Мы остановились в одной из пустых, нежилых теперь комнат. Ягоды рябины были рассыпаны на продавленном диване, горкой лежали в углу какие-то пыльные книги. Николай Данилович забько повел плечами. Холодно было в доме.

...Суд был весной. Суд признал за Иваном Гавриловичем право на проживание на даче законным, и тут даже Тамара Ивановна не осмелилась возражать.

После суда Иван Гаврилович слег.

...В конце минувшего лета на одном из участков дачного кооператива «Серебрянка» можно было бы видеть такую картину.

Высокий сутулый старик потихоньку копался на грядках. Сухопарая строгая женщина сторожем прогуливалась под яблонями.

Случайный прохожий, увидев их, мог бы подумать: соседи. И был бы, пожалуй, прав. Так мало они походили теперь на отца и дочь.

X

ИНТЕРВЬЮ
ДАЕТ
ПИСАТЕЛЬ

Хосе Солер Пуиг сегодня один из самых известных кубинских писателей. Первую свою книгу он опубликовал после победы революции, а до этого был докером, рубщиком тростника, продавцом, официантом, сборщиком кофе и активным участником партизан-

ской борьбы.

Когда Роман Кармен делал фильм «Пылающий остров», он хотел снять писателя за письменным столом, но Пуиг отказался: «Во-первых, у меня нет письменного стола, и, во-вторых, я уже сбрил бороду. А что за «барбудос» без бороды?»

— Бороду я так и не отрастил, — улыбнулся Пуиг, когда мы встретились с ним в патио — внутреннем дворике его небольшого дома, — и письменным столом не обзавелся. Вот здесь и работаю, — указал он на простой обеденный стол на металлических ножках. — Привычка, — развел он руками. А потом серьезно добавил: — Я вырос в очень бедной семье. Жили

бинцев этот город — как для вас Ленинград, не случайно они побратимы. Здесь молодые революционеры штурмовали Монкаду, здесь зародилось «Движение 26 июля», здесь пролилась кровь патриотов, здесь Фидель провозгласил победу революции. А как мы радовались, когда 1 января 1984 года Сантьяго-де-Куба стал первым в нашей стране городом-героем и был награжден орденом «Антонио Масео». На вручение ордена приехал Фидель. Какой был тогда митинг, как мы ликовали и как внимательно, и если хотите самокритично, слушали Фиделя, — продолжает свой рассказ Пуиг. — Знаете, как назвал он свою речь: «Куба не может экспортировать революцию, но и Соединенные Штаты не смогут ее остановить». Он выступал в том же парке и с того же балкона, откуда двадцать пять лет назад впервые обратился к народу. Я присутствовал на обоих митингах и слышал обе речи. Я счастлив, что о многом из того, о чем говорил Фидель, смог рассказать в своих книгах «В год января», «Обвал», «Большой дом», «Спящий хлеб», «Узел» и других. Вы понимаете, мне ничего не надо выдумывать: выходишь на улицу, отправляешься в порт, на завод, в школу, в воинскую часть или университет, беседуешь с людьми... Жизнь каждого из них — тема для рассказа, повести или романа. К тому же все они типичные «сантьягерос» — так у нас называют жителей моего родного города. Они люди открытые, веселые, не прочь попеть и потанцевать, но в то же время им присущ боевой дух, они выносливы, тверды, обяза-

В СТЕНАХ МОНКАДЫ

— Эту крепость еще в прошлом веке построили испанцы, — рассказывает Хосе Солер Пуиг, — и назвали «Королева Мерседес», а после изгнания испанцев здесь разместили солдатские казармы. Им дали имя известного в те годы патриота Гигермона Монкады. В 40-е и особенно в 50-е годы Монкада стала символом всего самого гнусного и мерзкого, с чем связано правление Батисты. Но с 26 июля 1953 года, когда 135 молодых революционеров во главе с Фиделем Кастро предприняли штурм казармы, Монкада стала символом борьбы за правое дело, символом новой, социалистической Кубы. И хотя штурм был неудачным — пятеро погибли в бою, 65 человек замучены и расстреляны, остальные осуждены, — 26 июля вошло в историю, и новая революционная партия была названа «Движение 26 июля», — закончил Пуиг.

Каждое утро в школе — общее построение и урок политических новостей, который называется матутино. Звучит гимн, и поднимается национальный флаг Кубы. Вперед выходит старшая вожатая и обращается к ребятам:

— Монкадистос!

— Сьемпре листос! Всегда готовы! — звучит ответ.

Монкадистос — это самые младшие школьники — с первого по четвертый класс, а с четвертого по девятый — уже пионеры, их организация носит имя Хосе Марти.

Б. СОПЕЛЬНЯК,
фото Н. КОЗЛОВСКОГО,
специальные корреспонденты «Огонька»

БОРОТЬСЯ —

ЭТО СТРЕМИТЬСЯ БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМ

впроголодь. Писателем я мечтал стать лет с двенадцати, вот и изводил чернила на уголке кухонного стола.

Высокий, худощавый, с орлиным профилем и крепкими, жилистыми руками, Пуиг не сидит на месте: то показывает книгу, то предлагает кофе, то достает фотографию. Вот он протягивает мне толстенную, сшитую из нескольких школьных, потрепанную и кое-где обожженную тетрадь.

— В конце пятидесятых годов я ушел в Сьерра-Маэстру. Походы, бои, засады, победы, поражения, потери товарищей — все это я пережил вместе с «барбудос». А на привалах доставал свою тетрадь и записывал то, что видел и слышал. Как пригодились потом эти записи! В романе «Бертильон 166» есть эпиграф: «Бороться — это стремиться быть счастливым». Эти слова родились в горах Эскамбрая после того, как мы разгромили в пух и прах колонну батистовцев.

И вот 1 января 1959 года Хосе в родном Сантьяго-де-Куба. Он и его товарищи были молоды, опьянены победой, строили грандиозные планы, и никто не сомневался, что они будут выполнены. Его личные планы сбылись — он стал профессиональным писателем. В «Бертильоне 166» Пуиг говорит о подпольной борьбе, о том, как молодые люди самых разных профессий, социальных слоев и разных цветов кожи, не задумываясь, отдавали свои жизни за свержение палача кубинского народа Батисты.

— Я родился и вырос в Сантьяго-де-Куба, — продолжает свой рассказ писатель. — Для ку-

тельно, очень привязаны к своему городу и даже к своему кварталу.

Моим идеалом в литературе всегда был Максим Горький. Он, как никто, умел держать руку на пульсе жизни, он чувствовал то, что еще только зарождалось в гуще народа, и писал об этом так просто, ясно и доходчиво, что это было понятно и близко буквально каждому человеку. Я стараюсь работать так же. Я кубинец, я «сантьягерос», поэтому живу и болею тем, чем живет и болеет вся Куба и, конечно же, мой любимый Сантьяго. Пойдемте, я покажу вам его.

Солнце медленно выныривало из бирюзовой глади Карибского моря. Раскрывались жалюзи окон, из домов звучала музыка, детские голоса, торопливая речь матерей. Мы шли среди ослепительной белизны домиков по мощенной булыжником улице.

— Эти камни исторические, — заметил Хосе Пуиг. — Лет тридцать назад мы их использовали во время схваток с полицией. Так что слова «булыжник — оружие пролетариата» нам хорошо известны. А вот это школа. Здание старое, здесь был полицейский участок. Молодежь штурмовала его, чтобы добыть оружие и уйти к повстанцам.

Детей на улицах становилось все больше, они торопились в школу. Ребята из младших классов в бордовых брюках или юбочках и белых рубашках, старшеклассники — бежевых брюках или юбках и тоже в белых рубашках. Но самый густой поток школьников устремился к зданию, которое навсегда вошло в историю Кубы.

Вожатая задает вопросы, связанные с событиями в истории республики, которые произошли именно в этот день. Ребята дружно отвечают.

— У нас в гостях советские товарищи. Как их поприветствуем?

— Песней!

Сотни детских голосов в маршевом ритме запели «Пусть всегда будет солнце!» Звонкие, чистые голоса разносили эти слова по всему двору, по бывшим казематам, подвалам и карцерам, они звучали и на бывшем плацу, где ранним утром 26 июля 1953 года рвались гранаты, трещали автоматы и пулеметы. Стены Монкады еще хранят следы пуль, которые поражали совсем молодых парней, вышедших завоевывать право на достойную жизнь вот для них, для этих мальчишек и девчонок.

Так выглядит Монкада сегодня * Камилитос — будущие офицеры, защитники революционных завоеваний Кубы.

На развороте вкладки: Преподавательница русского языка Гладис Молина Домингос * Капитан теплохода «Новосибирск» А. А. Дзятко обсуждает с кубинскими докерами план погрузки судна * Гавана. Памятник Хосе Марти.

А на следующий день урок матутино был иным: перед ребятами выступил Карлос Крус Самадо.

— Полгода назад я пришел бы к вам в форме подполковника,— начал он,— а теперь мой мундир висит в шкафу: дали себя знать старые раны, и пришлось уйти в отставку. Кто знает, где село Куэто? — неожиданно спросил он. Поднялся мальчик:

— Триста пятьдесят километров от Сантьяго. Там живет мой дедушка. Его фамилия Мартинес.

— Так я же его знаю! Вместе воевали.

И Карлос Крус Самадо рассказывает историю своей жизни. Когда было создано «Движение 26 июля», он стал руководителем подпольной ячейки. Организовывали стачки, занимались саботажем, собирали оружие... Его не раз арестовывали, бросали в тюрьмы, пытали. А в 1958 году он ушел в горы и вступил в партизанскую армию. Воевал на втором фронте.

— Чье имя носил этот фронт? — спрашивает ветеран.

— Франка Паиса,— отвечает Майра Эрнандес.

— Правильно. А кто им командовал?

— Компаньеро Рауль Кастро.

— Молодец! Так вот я был в колонне номер двадцать. Мы освобождали город Гуантанамо. А потом мне пришлось добивать остатки батистовских банд, сражаться у Плайя-Хирон, участвовать в строительстве Революционных Вооруженных Сил. Сейчас я заместитель руководителя Дома кубино-советской дружбы в нашем городе. Кто из вас бывал в этом Доме?

Взметнулся лес рук. Матутино закончился, прозвенел звонок, и ребята разошлись. Но кое с кем из них мы в тот же день встретились в порту. Они вручали цветы капитану советского теплохода «Новосибирск» А. А. Дзятко, которого наградили медалью «Арсенио Иглесиаса».

— Двадцать пять лет вожу я различные суда на Кубу,— рассказывал Анатолий Андреевич.— Всякое бывало за эти годы: и облеты самолетов, и встречи с военными американскими кораблями, но груз мы всегда доставляли. Груз самый разнообразный: от бульдозеров и тракторов до тетрадей и школьных парт, от автомобилей и экскаваторов до риса и хлеба. Назад тоже не ходим порожняком: кубинский сахар, никель, мрамор, текстиль хорошо знают в нашей стране.

Начальник порта вручил капитану медаль, дети — цветы, а потом все поднялись на борт «Новосибирска». Там я обратил внимание на юношу в военной форме. Для солдата срочной службы вроде молод, да и форма не совсем солдатская. Это оказался кубинский суворовец — камилитос. В Гаване я побывал в училище, где он учится.

КУБИНСКИЕ СУВОРОВЦЫ

На окраине столицы в живописном районе Капдевилла раскинулся целый комплекс зданий училища. У въезда — контрольно-пропускной пункт, шлагбаум, часовые, проверка документов, словом, все, как в настоящей воинской части.

— А мы до недавнего времени и были воинской частью номер 4914,— говорит заместитель начальника училища майор Эременехильдо Маркес Феррер.— Под этим номером Фидель сидел в тюрьме, когда был арестован после штурма Монкады. Несколько лет назад в честь национального героя Кубы соратника Фиделя — Камилло Сьенфуэгоса наши училища стали называться «Камилитос». Сейчас их на Кубе шестнадцать, а первое в сентябре 1966 года было создано по инициативе Рауля Кастро.

— Кто имеет право поступить в училище? — спросил я.

— Вначале принимали только детей погибших героев революции. Но постепенно сеть училищ расширялась, подрастало новое поколение, и теперь мы принимаем мальчиков и девочек в возрасте четырнадцати-пятнадцати лет.

— И девочек?

— Да, и девочек. У нас, например, из 655 курсантов — 35 девушек.

— Каков срок учебы?

— Три года.

— А потом?

— Юноши зачисляются в высшие военные училища, а девушки в гражданские вузы, но на такие факультеты, где есть специальности, необходимые армии. Конкурс огромный! «Камилитос» очень популярны среди нашей молодежи. За три года мы даем прекрасное образование, и, конечно, у нас изучается много чисто военных дисциплин. О спорте не говорю, он у нас один из главных предметов. Цикл занятий такой: пять дней общеобразовательная подготовка, два — военная, причем в

Хосе Солер Пуиг.

поле, на полигоне, в парке боевых машин — и не в учебных условиях, а в одной из воинских частей.

Мы попали в училище, когда там проходили экзамены. Первым вышел из аудитории Камилло Гарсия.

— Уф-ф! — выдохнул он. — Кажется, сдал.

— Камилло, почему ты решил поступить в училище?

— Я с детства зачитывался книгами о войне и подвигах. Эти книги перешли мне от старших братьев — нас пятеро. Исидоро и Эрнесто окончили «Камилитос» и сейчас учатся в Советском Союзе. Исидоро будет летчиком, а Эрнесто радиотехником.

— А кем хочешь стать ты?

— Летчиком,— убежденно сказал Камилло. И совсем по-взрослому: — Воздушные границы Кубы так часто нарушаются, они так близки от США, что защищать их надо надежно.

Через день на широкой площади около памятника Антонио Масео замерли четкие каре камилитос. Звучит гимн. На флагштоке взвизывает национальный флаг Кубы. Один из руководителей Революционных Вооруженных Сил Республики поздравляет выпускников с окончанием учебы и желает успехов в защите завоеваний революции. Гремят оркестры, развешаются знамена, чеканят шаг будущие офицеры.

А вечером был устроен большой бал и концерт. В нем участвовала одна из самых популярных балерин Кубы, Лойпа Араухо.

ТАНЦУЕТ ЛОЙПА АРАУХО

Она прекрасно говорит по-русски.

— Вы учились в Советском Союзе?

— Нет,— улыбается она.— В Гаване. Сперва у Алисии Алонсо, а потом у советских мастеров, которые у нас работали. На Кубе их знает каждый, кто имеет отношение к танцам. Это Ольга Крылова и Михаил Гуров, Владимир Саблин, Азарий Плисецкий, Надежда Рощепкина.

В балет Алисии Алонсо Лойпа пришла еще до революции. Отношение к балеринам в те годы было весьма своеобразное: их считали девушками из кабаре.

— Я дружила с очень хорошим мальчиком, можно сказать, он был моей первой любовью,— вспоминает балерина.— Когда его родители узнали, что я танцовщица, перестали приглашать в дом. И я решила стать известной балериной, чтобы мои фотографии печатали в газетах, а поклонники бегали за автографами,— смеется Лойпа.

Она занималась с восьми утра до двенадцати ночи. Чтобы раздобыть средства на учебу, продавала лотерейные билеты, танцевала в кабаре... Когда пришло время покупать настоящие балетные туфли, мама еле-еле наскребла денег и сказала, чтобы туфли дочка берегла, потому что вторые купить не удастся. Она хорошо помнит зверства батистовцев, видела расстрелы студентов, но видела и величайший праздник — когда в Гавану вошли «барбудос».

— Ах, какие это были бородачи! — улыбается Лойпа.— Все девушки Гаваны по уши в них влюбились! А потом Алисия пошла к Фиделю и рассказала о наших проблемах. Правительство выделило средства на создание хореографической школы и Кубинского национального балета. С каким упоением мы работали! Отбирали ребятшек для школы, многих взяли из детских домов — они были сиротами, их родители либо погибли в боях с батистовцами, либо были расстреляны в тюрьмах. Я тоже стала педагогом и охотно занималась с детишками. А вечером — репетиции, репетиции. Летом пятьдесят девятого мы отправились на гастроли по странам Южной Америки. Успех был потрясающий! И дело, конечно, не в том, как мы танцевали, а в том, что мы представляли новую, совсем новую Кубу! Я не боюсь этого слова, но мы были не столько танцорами, сколько политиками.

— А как же школа?

— Школа набирала силы. Дети подрастали, становились настоящими артистами и вливались в наш коллектив. Особенно большие успехи были у юношей. Орlando Сальгадо, Пабло Морре, Рауль Барросо, Хосе Эскевиль — все это бывшие детдомовцы, а ныне ведущие солисты, гордость Кубинского национального балета.

— Ну, а зрители? С ними проблем не было?

— Были, и еще какие! Я уже говорила, как относились к балету и балеринам до революции. А одними декретами такое отношение не изменишь. Поэтому мы занялись, если так можно выразиться, просветительской деятельностью: ездили на заводы и в села, в школы и университеты, рассказывали о классическом балете и, конечно же, показывали фрагменты из спектаклей. Успех пришел далеко не сразу, но зрители мы завоевали. В шестьдесят пятом году на конкурсе в Варне мне удалось получить золотую медаль — первую в истории Кубинского балета. Потом были триумфальные гастроли в Москве.

В тот же вечер я увидел Лойпу Араухо в телевизионной передаче. Узнать ее было трудно: скромная прическа, строгое платье, на груди — два ордена: «Алехо Карпентьера» и «За развитие национальной культуры». Она говорила о росте самосознания кубинской молодежи, о том, что нельзя стать настоящим революционером, если не усвоишь всех богатств культуры.

...Прошло уже несколько месяцев, как мы вернулись с Кубы, но я все еще живу воспоминаниями об этой прекрасной стране и ее замечательных людях. А когда хочется услышать их голоса, я подношу к уху большую раковину, которую подарил мне Хосе Солер Пуиг, и слышу шум Карибского моря, всплески аплодисментов на митингах, звонкий детский хор из Монкады, быструю гортанную речь Пуига и старательный русский Лойпы... Вы и в Москве со мной, кубинские друзья, которых я полюбил всем сердцем.

Гавана — Сантьяго-де-Куба — Москва.

Репетиция прошла успешно * Немало прекрасных наездников воспитал Марио Камехо * Дискуссия о богатствах Карибского моря * Первенец.

Эту (в киелограммовую) щуку
Сера Филатов поймал
на двоих с отцом.

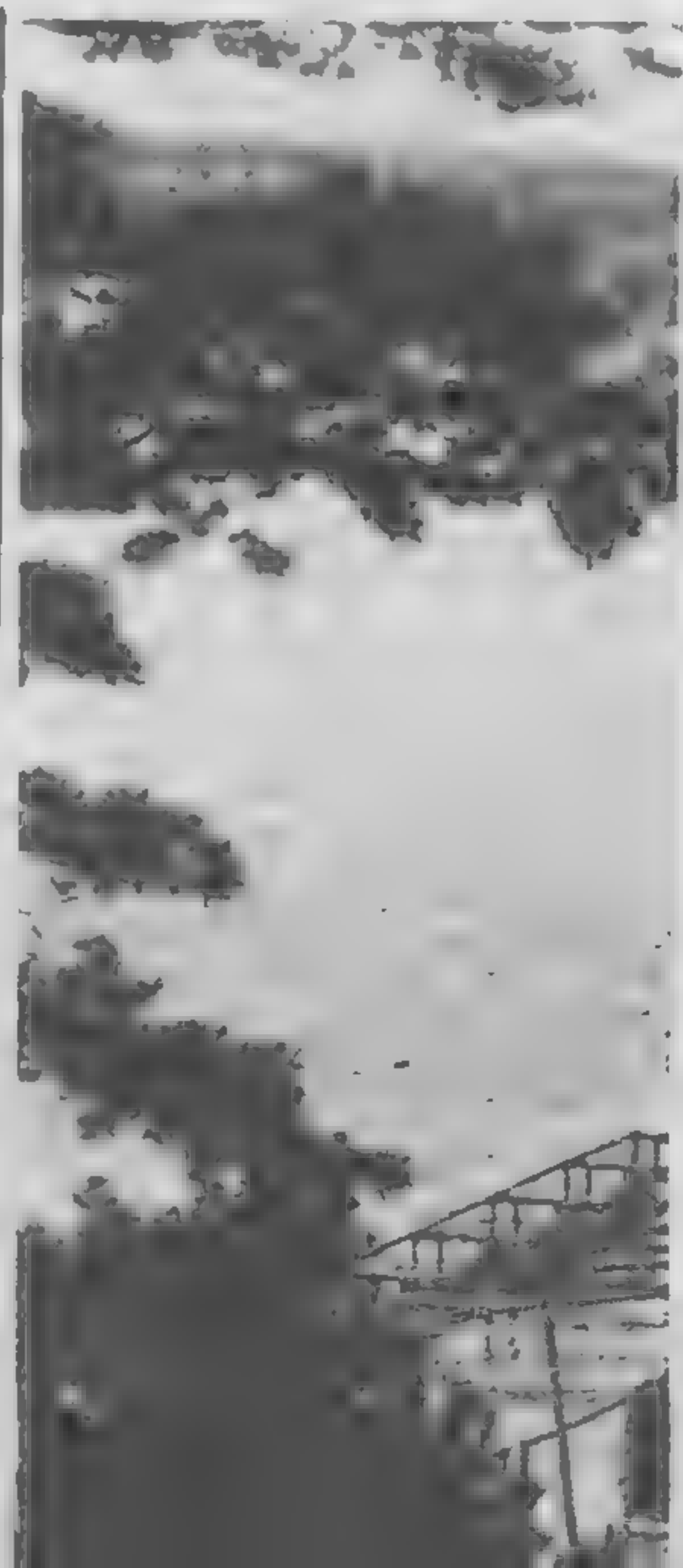

природа — наш дом

ДРУЗЬЯ

Евгений ФЕДОРОВСКИЙ,
фото Д. ДЕБАБОВА

...Рабочие сказали: на Белом браконьеры поставили сети. Белое — одно из внутренних озер на островах Селигера, лежит неподалеку от старого монастыря Нилова пустынь. Когда-то монахам принадлежала чуть ли не половина всех вод, лесов и пастбищ в этом заповедном краю. Сейчас хозяином стал Осташковский рыбозавод. Главный рыбовод его Лена Оразаева на Белом разводит форель и пелядь, и можно понять ее волнение, когда пришло сообщение о браконьерах. Так может огорчаться человек, который

Вечер.

И НЕДРУГИ СЕЛИГЕРА ►

Форельный «инкубатор».

Рыболовецкая бригада А. М. Сагача (слева) редко возвращается с плохим уловом.

посадил дерево, а кто-то вздумал его рубить.

Лена заявила к главному инженеру завода Николаю Михайловичу Никанорову и потребовала катер, чтобы протралить «кошканы» водоем и посрывать злостные сети. Николай Михайлович — человек неторопливый, рассудительный — сказал, что снять сети проще простого, однако лучше бы вместе с ними выловить и любителей легкой добычи, которые нет-нет да и запустят руки туда, где лов вообще запрещен.

Так возник план операции завтрашнего дня. К ней решили привлечь начальника речной охраны капитана милиции Ермакова.

Но сначала о Лене. Она невысока ростом, худенькая, кареглазая, с длинными темными волосами, унаследованными от отца-грека. На работе ходит в простенькой кофточке, джинсах и босоножках. Хотя и молода, но крепка характером, по-южному взрывным, властным и целеустремленным. Зовут ее уважительно Еленой Константиновной.

Родина ее от Осташкова далеко — в Гурьеве на Каспии. Там на рыбозаводе работают отец и мать. Там же она окончила морскую рыбопромышленную техникум. Могла бы трудиться, где хотела. Однако ее не устраивали места, где все было отлажено, отработано, годами проверено. Ей хотелось где-то начинать первой. Быть может, это честолюбие, желание быть на виду, на самой стрелке? А что тут зазорного? Кому в молодости не хочется стать заметным, не терпится найти свою тропу?

Поехала в Москву в министерство.

«Мне хоть к черту на рога, хоть Колыма, хоть Магадан, только дайте новое дело», — просила она.

«Ну, на Колыме рыбы пока хватает, а вот здесь под боком ее меньше и меньше», — ответил министерский работник, прикидывая, куда бы послать эту, выдать, настырную девчонку. Он, поставленный на должность не только сохранять, но и преумножать рыбные запасы, стал говорить с Леной совсем не о цифрах плана.

— Вот мы берем рыбу всевозможными удами, сетями, тралами, электротоком. В морях и океанах нынешние суда похожи на плавучие заводы. Наш стол работают и внутренние водоемы — шестнадцать миллионов гектаров озер, двести крупных водохранилищ, пятьсот тысяч километров промысловых рек. Тут мы тоже берем немало. Но много ли даем взамен? Пока до крайности мало... Вот и займитесь этим делом. Прямо скажу — лиха хватите. Не заметите отдачи сразу. Ведь и сад-вод, когда сажают дерево, не вдруг увидит плоды. Однако вы молоды, вам и дерзать.

— Согласна, — сказала Лена.

— Селигер вас устроит? — Очевидно, за разговором начальник уже решил, куда ее направить.

— Еще бы!

— Там уже начинали опыты с разведением рыбы, но не довели до конца. Теперь вы доведите...

Что знала Лена о Селигере? В газетах писали много, книги читала. В книжном магазине нашла карту Калининской области и прихватила ее с собой в дорогу. Заодно купила и путеводитель.

Лежал Селигер в изумрудном ожерелье лесистых возвышенностей Валдая. Тысячи лет назад гигантские ледники буровили землю и потом, отступив перед натиском тепла, образовали множество причудливо изогнутых плесов. Берега были искромсаны так, будто природа создавала их в припадке мрачной ипохондрии. Зато потом, словно расцвевшись, она же и одарила эти места великолепными красками. Далеко в воду влезают лесистые полуострова и мысы, прозрачную гладь обрамляют

изумрудная зелень широких лугов. Местами озеро разбегается настолько широко, что едва видится земля на другой стороне, иногда же оно сужается до тоненькой струйки, подобно ручейку...

Путеводитель сообщал, что на Селигере 160 островов. Один из крупнейших — Хачин — лежит в центре. Он походит на древнерусский щит, каким вооружались перед бранью великие князья. Другие острова — Городомля, Кличень, Скребель, Колодный — напоминают щиты воеводские. А вокруг простыми ратниками рассыпаны островки совсем малые, не больше двадцати метров в окружности.

Нет, не случайно орда Батыя, разорив почти все южные русские княжества, через Селигер устремилась к непокорному Великому Новгороду, устроила побоище у деревни Кравотынь, но, устрасшая диких лесов, многоводья, упорства здешних людей, откатилась назад, в половецкие степи, хотя до города оставалось не более ста верст.

По легенде, один из жителей острова Кличень — Евстафий (Осташко) — переселился на противоположный полуостров. Семья у него была большая, а вскоре и совсем разрослась, и образовалась слобода. Она и послужила началом городу Осташкову. Земля родила плохую, население больше занималось рыбной ловлей, животноводством. А уж коль рыбакам требовались лодки, сети, непромокаемая одежда, то возникли и такие ремесла, как кожевенное, столярное, плотничное, кузнечное. В Осташкове делали отменные лодки, топоры, якоря, гвозди... Перед революцией кожи «отцов города» купцов Савиных, например, брали призы на всех выставках в Париже и Вене.

...До Бологого поезд бежал быстро, а повернув в сторону Осташкова, стал останавливаться чуть ли не у каждого столба. Вагон, и без того набитый туристами, пудовыми рюкзаками, палатками, надувными лодками, удочками и спиннингами, заполнял пронзительно окоающие тетки с необъятными мешками, в одинаковых, как униформа, бархатных жакетах, старички с выцветшими ласковыми глазами, крапивообразные подростки, выросшие из тесных школьных тулупов...

После привокзальной сутолоки Осташков удивил Лену своей тишиной и провинциальной прибранностью, свойственной только старым городам России. Было много зелени, опрятных деревянных домиков, над которыми стражами возвышались красногрудые соборы и нарядные строения Знаменского и Житного монастырей.

Рыбозавод Лена нашла легко. Это такое же заметное в городе предприятие, как и кожевенный завод. В двухэтажном деревянном доме, — чуть ли не ровеснике века, — разместилась контора. Во дворе — коптильный цех и склады. На берегу, на сошках, стояли поднятые для ремонта катера, плавучие гусеничные вездеходы, лодки. А напротив, через дорогу, белело недавно построенное кирпичное здание. На первом этаже инкубационный цех. На стеллажах в несколько ярусов стояли пронумерованные стеклянные колбы, в пол вмонтированы ванны с трубами для проточной воды, а вдоль стен расположились радиаторы парового отопления — чтобы в помещениях строго поддерживалась определенная температура. В колбах и выводятся из икринок мальки, которые потом выпускаются в озеро или отправляются в другие водоемы страны для развода. Стояло лето, инкубационный цех пока пустовал, поскольку время нереста пеляди, например, приходится на конец ноября — начало декабря.

Пошла к директору. Могучий, крупнотелый Владимир Павлович Розенберг своим зорким оком определил сразу: девчонка хоть и

зелена, но с норовом, такую за- жечь — не погасишь. Пусть пока обкатается на рядовых должностях — рыбозавода, гидротехника, а потом посмотрим, потянет ли на главного рыбозавода. Однако поначалу надо усвоить ей главное: что рыбозавод здешний не враг Селигеру, а крайне нужное предприятие не только для Осташковского района или Калининской области, а для всей страны.

Далекие предки Розенберга каким-то образом попали на Селигер да и обжились тут. Сам Владимир Павлович в военное лихолетье мальчишкой пас норов, в семнадцать лет уже бригадирствовал в совхозе «Заозерный», заочно окончил ветеринарный техникум, в начале пятидесятых годов по комсомольской путевке был направлен в колхоз «Победа социализма», где вскоре стал председателем. Прошел через всякое Владимир Павлович — ничемное администрирование, мелочную опеку, уничтожение под корень частного скота... Выговоры нахватал больше, чем медалей. Мыслил по-деловому, с взглядом вперед, ворочал делами не для победной цифры в сводке.

И вот, когда его назначили директором рыбозавода, то первое, с чем он столкнулся, было укоренившееся с чьей-то нелегкой руки мнение: рыбозавод — мол, первый на Селигере браконьер — всепожирающий, оснащенный самыми новейшими орудиями лова, губитель на озере всего живого.

Несомненно, и новенькая услышит такое же. И Владимир Павлович повел разговор о том, в чем самому пришлось разбираться вначале: нужен или не нужен завод Селигеру. Он не стал навязывать своего мнения, а лишь назвал несколько отправных точек для того, чтобы новенькая сама смогла прийти к правильному выводу. Если умна, поймет.

И Лена стала разбираться. Не день и не месяцы ушли на это.

Она посмотрела на Селигер как бы со стороны. Вот он, сразу же за строениями завода, синий при солнце, злой и черный в непогоду.

Ледниковое создание было когда-то богато рыбой. Старожилы помнят лещей в полпуда и пудовых щук. Недавно умерший почти в столетнем возрасте Иван Ильич Мартынов был последним на Селигере мастером, который на разную рыбу мог делать несравненную снасть. Его возили в Петербург и Москву для консультаций.

Исчезает и некогда славное племя профессиональных рыбаков. На рыбозаводе их считают по пальцам: Максимов Николай Степанович, Котов Николай Иванович, Иван Васильевич Удалов да разве что Бурмистров Евгений Петрович. Уйдут они на пенсию, — кто встанет на их место? Не каждый из молодых захочет. Непрестижной стала эта профессия — и платят мало, и добывать трудно, особенно зимой на подледном лове, и мало рыбы идет в сети, а план прежний — 500 тонн...

Пройдет еще какое-то время, и вовсе заглухнет рыбацкий промысел, и может статься, что возродить его уже будет невозможно.

Заметила Лена, что начинает брать верх одна из тенденций в отношении Селигера, а именно — полностью отдать озеро в распоряжение отдыхающих и туристов, построить дома отдыха, пансионаты, кемпинги и другие базы обслуживания. Свой резон в этом есть. Не каждый отпускник самого густонаселенного района между Ленинградом и Москвой сможет поехать, скажем, в Крым, на Кавказ, Байкал. А тут почти под боком — прекрасное озеро с зеркалом за двадцать тысяч гектаров, окруженное лесами, полными грибов и ягод, боровой дичи. Да и врачи уже давно отметили огромное лечебное и профилактическое значение Селигера: и умеренный климат, и купание, и все условия для туризма,

и, по мнению врачей, исключительная тишина, которая успокаивает функциональных невротиков, возбужденных и переутомленных городской сутолокой людей.

Кроме того, Селигер — это огромное хранилище пресной воды. А как мы относимся ко всему этому природному богатству? О том, чтобы преумножить, речи пока нет — так ли храним мы его?

Вот о чем думала Лена, выходя на берег по вечерам.

Некогда девственную тишину терзали сотни лодочных моторов, как на всемирных гонках. Ревели на все лады — от пронзительно звонких «Чаек» до глуховато-могучих «Вихрей». Неслись по озерной глади и широкозадые «Казанки», и длиннотельные, как полинезийские пироги, местные лодки, и катера на подводных крыльях, сработанные умельцами по последнему слову технической мысли. На бортах успевала читать она и московские, и калининские, и других городов номера. А ведь тот же покойный Мартынов вспоминал, что во время нереста монахам запрещалось даже звонить в колокола.

Куда от нынешнего воя и грохота деваться рыбе? Разве что в камыши...

До сих пор Лена знала о камыше только хорошее. Прекрасный строительный материал, замечательное сырье для бумаги и картона. Из него извлекается фуфурол — вещество, нужное химической промышленности. Питателен. В его корневищах содержится столько же крахмала, сколько в картофеле. И, наконец, необычайно урожаен, в том смысле, что ни одно другое растение в мире, будь то культурное или дикорастущее, не может угнаться за ним в количестве органической массы с гектара. Очень дешевое, почти даровое (затраты только на уборку) и очень полезное растение. Однажды главный инженер рыбозавода Никаноров на спор набросал перед короной по навильнику клевера, люцерны и камыша. Так королева первым стала есть камыш. Но, онаывается, камыш в силу своей жизнелюбивой экспансии становится убийцей. Когда-то берега Селигера почти сплошь были песчаными, а сейчас бурно разросся камыш, да так плотно, что и медведь иной не пролезет. Забил протоки, лишил рыбу мест нереста. Образно говоря, съел он рыбы больше любого хищника.

И еще одного недруга Селигера заметила Лена. Впрочем, характерного не только для этих мест. Он скрытен, этот недруг, но так же губителен для рыбы, как и камыш, и моторы, и массовый «дикий» турист.

Однажды познакомилась она с Надей Попадюк, санитарным инспектором рыбоохраны. Чем-то девушки даже походят друг на друга — обе невысокие, худенькие, обе комсомолки, и обе беззаветно преданы защите селигерской природы.

Надя в 1980 году окончила био-фак Калининского университета. Она следит за чистотой воды в Селигере. Раньше загрязнение озера сточными водами не вызывало беспокойства. Теперь же защитные силы природы уже не могут справиться с возросшим потоком производственных и бытовых отходов, и Наде приходится буквально воевать с косностью, равнодушием, узкоглядством иных руководителей предприятий, спускающих в озеро сточные воды без должной очистки.

Более чем за сотней объектов ведет наблюдение Надя. Один лишь кожевенный завод спускает в озеро около 12 тысяч кубометров воды. А вот никак не может отстроить очистные сооружения из-за несовершенства проектов, нехватки материалов.

Резко увеличилась и химизация полей. Удобрения надо бы разбрасывать либо под вспашку осенью, либо перед севом под культивацию, или вместе с семе-

нами в борозды. А вывозят эти удобрения зачастую зимой. И получается, что по весне половина химикатов вместе с вешними водами стекает в озеро, в том числе аммиачная селитра, так же ядовитая для рыбы, как для человека синильная кислота.

В лице Нади Попадюк и других товарищей обрела Лена Оразаева союзников — тех, кто был искренне озабочен судьбой Селигера: прежде всего, как бороться со старыми представлениями о месте и роли человека в природе.

Ведь, к сожалению, есть немало ретивых хозяйственников, для которых река или озеро всего лишь склад еще не выловленной рыбы, для юного живое дерево — всего лишь будущее бревно. И полетели щепки... «Объективные обстоятельства», «напряженные планы», «погодные условия» — чего только не придумывают такие «преобразователи природы», чтобы безнаказанно рубить леса, уродовать землю, травить воды и оправдывать сегодняшние потери вчерашними выгодами.

...Так оказалась Лена среди защитников озера. Уже с января 1983 года, став главным рыбоводом, она включилась в борьбу за Селигер, возрождая его славу.

Трудно ей, южанке, приходится зимой, на подледном лове. На голое озеро, продуваемое всеми ветрами, часто в снегопады и метель, надо отбирать самых плодотворных трехлеток, в балке-вагончике при температуре не выше и не ниже плюс пяти заниматься колдовством: брать икру, освободить от крови, смешивать с молоками в определенном соотношении; применив только нежное перышко, промывать икру и раз и два, опять же выдерживая точное время — три минуты, семь минут, час, шесть часов... Но вдаваться в технологию — гиблое дело: она ювелирна, до чрезвычайности тонка, как и всюду, где речь идет о потомстве и будущем. А «питомцы» у Лены такие разные, такие своенравные...

Пелядь. Небольшая — до двух кило — рыба. Принадлежит к благородному роду сиговых, как и байкальский омуль. Вообще-то пелядь не абориген Селигера. Она проникла сюда, как полагают ученые, в ледниковый период из Ледовитого океана. Однако позже ее выловили, и пришлось акклиматизировать рыбу снова. Этим и занимается Лена, пестуя основное стадо пеляди в озере Белом.

Там же, на Белом, расположилось форелевое хозяйство. На берегу среди сосен стоят домики обслуживающего персонала, объемистый склад, барак, где контора и лаборатория, а на воде, на понтонах, — садки. В них довольно просторно и, главное, безопасно. Сюда запускают мальков форели. Здесь она набирает вес.

Известно, форель — рыба капризная, прихотливая. Ей подавай только чистую, проточную воду. Много пришлось познакомиться с ней Лене. Завезли ее из Конакова под Москвой мальками для опыта. Болели мальцы, иные гибли. Ведь в каждом водоеме своя вода и разная температура, к которой форель особенно чувствительна. И рацион другой... Однако постепенно дело наладилось. Из пяти тысяч годовичков по двести граммов через четыре месяца лета получилось шесть тонн полновесной рыбы. Себе же оставили маточное стадо. С него и повела род селигерская форель, вовсе не подзревая, что новые поколения личинками, в целлофановых мешочках, обогащенных кислородом,

отправятся в далекие путешествия по Союзу — в Горький и Липецк, Кострому и Курган, Рыбинск и Новосибирск.

А еще появилась на Селигере рыба и вовсе диковинная — угорь. Увеличилось поголовье щуки, ее тоже разводят на рыбозаводе. Набирает вес и лещ — исконный старожило, почему-то облюбовавший озеро Глубокое. Год-два назад попадался он в сети тощий, что школьная тетрадка. Прошлись электротралом. Нынче пошел лещ крупнее. Стали гадать — отчего произошло такое? Разгадка оказалась простой — лещу не хватало кормовой базы. Это же не все равно — выпустить на гектар пастбища десять коров или сто. Хотя понемногу, но больше начали брать судака, плотвы, окуня.

Главное же, было положено начало разведению новых, более ценных пород рыбы. И делает это не кто иной, как рыбозавод, где главной застрельщицей стала Лена Оразаева.

Поэтому и встревожила ее весть о том, что на Белом, где пестует она форель и пелядь, браконьеры выбросили сети. А в борьбе с ними лучший помощник — главный инженер Н. М. Никаноров.

До того, как он стал главным инженером на рыбозаводе, Николай Михайлович много лет проработал в рыбоохране. С браконьерами расправлялся люто, сам не раз попадал под пули, отбирал сети, бредни, волокуши, переметы...

Особенно болел Никаноров за угря. Эту рыбу покупали за границей на валюту. Разводили в отдельном от остальных водоемов озере Сиг. Растили с превеликими трудностями. Браконьеры поначалу отрезали у угря голову и хвост, поскольку напоминал он змею — брезговали. А потом разобрались, что почему и почему. И начали пластать, поскольку стоит он недорого: три рубля за килограмм свежий и восемь — копченый, да еще попробуй найди.

...После того, как Лена вышла из кабинета, Николай Михайлович позвонил молодому капитану милиции, начальнику речной охраны Саше Ермакову. Он, коренной оштаковец, знает на Селигере все углы и закоулки.

Договорились разбиться на две группы. Ермаков со своим сотрудником выйдет на катере и отрежет водный путь из Белого. Мы же на «уазике» подведем с суши и постепенно сожжем кольцо. Это должно было произойти завтра в четыре утра...

Мы встретились точно в условленное время. Едва брезжил рассвет. Было росно и зябко. За черными соснами тяжелой ртутью отливало белое. Но, как ни вглядывался Никаноров через бинокль в озерную гладь — не находил ни одной сетевой тычки, ни одного поплавок. То ли браконьеры каким-то образом узнали о нашем замысле, то ли Лене ввели в заблуждение — неизвестно. Встретили мы лишь две семьи автотуристов, предупредили, что на Белом стоянки запрещены, и вскоре они уехали.

Над плесами, лесами и холмами вставало огромное рыжее солнце...

Не знаю, огорчились ли Никаноров и Ермаков, что вышла осечка. Лично я — нет. Потому что сам убедился, как охраняется озеро. Браконьер непременно попадетсся оштаковцам, с которыми я сошелся в то утро.

А еще я рад тому, что узнал Лену Оразаеву и ее заботы. Она из тех, на ком держится сейчас древняя, неповторимая и такая хрупкая жизнь Селигера...

Селигер бывает разный.

Учет форели. Главный рыбовод Е. К. Оразаева и рабочий С. С. Ямщиков.

Кулички.

«ЧТО ЗА ЗВУКИ! НЕПОДВИЖЕН ВНЕМЛЮ...»

Вадим КОЖИНОВ

...Сто двадцать лет назад Толстой создал пластичный и проникновенный образ русской гитары в «Войне и мире». Знаменитая сцена охоты, одна из ключевых в толстовской эпопее, заканчивается в доме дядюшки Ростовых, который исполняет на гитаре песню «По улице мостовой»:

«Дядюшка продолжал чисто, старательно и энергически твердо отделять песню... Дальше расходилась песня, ускорялся темп, и в местах переборов отрывалось что-то.

— Прелесть, прелесть, дядюшка! еще, еще! — закричала Наташа, как только он кончил... — Николенька, Николенька! — говорила она, оглядываясь на брата и как бы спрашивая его: что же это такое?..

— Ну, ну, голубчик, дядюшка, — таким умоляющим голосом застонала Наташа, как будто жизнь ее зависела от этого».

Не забудем, что героиня Толстого наделена им высочайшей музыкальностью — и вот, оказывается, искусство гитариста явилось одним из сильнейших художественных переживаний Наташи...

* * *

Каждый, кто захотел бы побольше разузнать о гитаре, сразу же столкнулся бы со способными удивить противоречиями и неожиданностями. Начать с того, что этот бесспорно, самый распространенный сейчас музыкальный инструмент является вместе с тем едва ли не самым древним из ныне существующих, ибо восходит он еще к античной кифаре. Не позднее XIV столетия гитара была завезена с Востока в Испанию, а к XVI веку уже стала здесь неотъемлемой частью национальной культуры. Вскоре гитара перешла в Италию, а затем распространилась по всей Западной Европе. В 1596 году, то есть почти четыреста лет назад, в Барселоне вышел в свет солидный трактат, утверждавший ее высокие музыкальные достоинства. Словом, глубокая старина и современность загадочно уживаются в гитаре.

Она предстает в наших глазах как самый общедоступный инструмент, изготавливаемый фабричным способом в миллионах экземпляров и нередко звучащий не без своеобразного обаяния в руках людей, которые не имеют никакой профессиональной выучки. Но зная историю музыки известно, что гитары создавал наряду со скрипками величайший мастер Антонио Страдивари, что легендарный скрипичный гений Никколо Паганини был одновременно виртуозным гитаристом (он говорил, что гитара позволяет «брать» такие гармонические сочетания, какие скрипке недоступны), что для гитары сочиняли музыку Франц Шуберт и Гектор Берлиоз, что испанский гитарист Андрес Сеговия по праву считается одним из самых выдающихся музыкантов XX века...

Противоречия, о которых идет речь, как бы составляют самую суть гитары, ее своеобразную музыкальную природу, и в конечном

счете в них выражается ее ничем не заменимая роль и ценность.

Но прежде чем говорить о своеобразии гитары, вернемся к ее истории. Как и многие другие музыкальные инструменты, гитара не раз изменяла свой строй и облик; в частности, менялось количество ее струн. Окончательно сохранившуюся и поныне форму — точнее, две разные формы — гитара обрела к концу XVIII века. Именно с тех пор существуют шестиструнная гитара, обычно называемая испанской, и русская, семиструнная. Следует отметить, что «семиструнки» имели хождение и в Европе, особенно во Франции. Но их довольно быстро вытеснила испанская, шестиструнная гитара.

Современные историки гитары относят возникновение русской гитары к 1780-м годам, в 1790-х годах в Москве и Петербурге уже издаются ноты и руководства для игры на ней. В 1800—1810 годах она стала одним из основных музыкальных инструментов, а в двадцатые — тридцатые годы ее роль в отечественной музыке и даже культуре в целом была поистине огромна.

М. Т. Высотский. Литография.

Автор исследования «Гитара в России» Б. Л. Вольман доказывал, что «в первой трети XIX века гитара в России соперничала с фортепиано» и творчество крупнейших композиторов этого времени — Верстовского, Алябьева, Варламова, Гурилева, Булахова и молодого Глинки — было теснейшим образом связано с ней.

Живописец пушкинской эпохи Г. Г. Чернецов, поставивший перед собой цель запечатлеть облики выдающихся деятелей отечественной культуры, одновременно со своим известнейшим полотном, на котором перед нами предстают Пушкин, Жуковский, Крылов и Гнедич, создал картину «Сихра и Аксенов». А. О. Сихра (1773—1850) и его ученик С. Н. Аксенов (1784—1853) — крупнейшие петербургские гитаристы того времени. Начинали они свою деятельность в 1800-х годах в Москве. Андрей Осипович Сихра первым возвел игру на семиструнной гитаре до высокого профессионального уровня и стал учителем множества замечательных гитаристов. Любимый его ученик Семен Николаевич Аксенов направил искусство гитары в русло народно-песенной мелодики. «Семиструнка» с ее соль-мажорным строем идеально подошла для этой цели. И в результате инструмент (точнее, его модификация), пришедший из Западной Европы, стал собственно русским и подлинно народным. В частности, именно «под аккомпанемент гитары», — писал Б. Л. Вольман, — в первой трети XIX века пелись в городе все народные и близкие к ним песни».

В 1810—1830-х годах десятки даровитых профессиональных гитаристов, чьи имена дошли до нас, и многие тысячи безвестных любителей из самых разных слоев общества сделали семиструнную гитару органической частью отечественной культуры и самой жизни. Это со всей ясностью запечатлено в мемуарах, разнообразных документах и художественных повествованиях того времени.

Самым выдающимся гитаристом эпохи стал ученик Аксенова Михаил Тимофеевич Высотский (1791—1837). Первой напечатанной его пьесой для гитары был марш в честь 1812 года «На бегство неприятеля из Москвы». Войдя в московскую музыкальную и культурную жизнь, М. Т. Высотский сам стал одним из ее средоточий. Он учил играть на гитаре Антона Дельвига, дружил с поэтом Александром Потеяевым, наконец, не раз встречался с самим Пушкиным, полюбившим гитару еще в лицее, где слушал игру своих сотоварищей Михаила Яковлева и Николая Корсакова — о его «гитаре сладкогласной» он упомянет впоследствии в стихах. Несколько позже М. Т. Высотский давал уроки игры на гитаре юному Лермонтову, посвятившему его искусству восторженное стихотворение «Звуки»:

Что за звуки! Неподвижен внемлю
Сладким звукам я;
Забываю вечность, небо, землю,
Самого себя...

Наконец, нельзя не сказать и еще об одной заслуге Высотского. Он передал свое искусство знаменитым цыганским гитаристам и руководителям хоров Илье Осиповичу Соколову (1777—1848), который воспет в стихах Пушкина и Дениса Давыдова, и его преемнику Ивану Васильевичу Васильеву (1810—1875). Цыганская музыка и пение развивались в России с конца XVIII века, но гитара поначалу вовсе не имела в музыке цыган того господствующего и основополагающего значения, которое она обрела после встречи Соколова с Высотским (в Молдавии, откуда главным образом и пришли в Россию цыгане, они вообще не были знакомы с гитарой). Усвоив коренные основы искусства Высотского, цыганские гитаристы внесли в манеру исполнения, по слову Аполлона Григорьева, «свой знойный страстный характер», и созданное ими ответвление отечественного искусства семиструнной гитары дало богатые плоды. Вплоть до нашего времени гитаристы-цыгане хранили благоговейную память о М. Т. Высотском.

Но в чем же суть творчества Михаила Высотского, ставшего образцом, даже идеалом искусства гитары в России? Едва ли не главная основа этого творчества — органическое соединение, слияние глубоко жизненных, уходящих корнями в душу народа мелодических начал с высшей музыкальной культурой. Твор-

чество Высотского родилось на почве русских народных песен, многим из которых он дал проникновенные обработки (так, вариации на тему песни «По улице мостовой», которые исполняет дядюшка Ростовых в «Войне и мире», были одной из его коронных вещей); и в то же время он постоянно стремился овладеть художественными достижениями Моцарта, Гайдна, Бетховена и в особенности Баха.

Тайна искусства гитары в том, в частности, и состоит, что самые сложные явления музыки оказываются в ее исполнении внятными и близкими всем и каждому, а с другой стороны, простые мелодии обретают сложность и богатство, роднящие их с классическими творениями.

Вполне очевидно, что одни инструменты — как фортепьяно или скрипка — предназначены главным образом для исполнения классической музыки, требующей от слушателей достаточно серьезной подготовленности, а другие — как гармоника или балалайка — прежде всего для музыки общедоступной, «бытовой». Но искусство гитары — если, конечно, оно истинное — способно преодолеть это разделение, как бы стереть границу между двумя музыкальными мирами. Недаром Лев Толстой назвал гитару «единственным переходом от музыки народной к музыке ученой».

Именно потому в эпоху Михаила Высотского гитара сыграла неоценимо важную роль в развитии музыкальной культуры и даже шире — культуры в целом. Достаточно будет упомянуть о том, что чуть ли не все творения Глинки — включая основные элементы партитуры «Ивана Сусанина» и «Руслана и Людмилы» — были переложены для гитары и в этом своем воплощении стали достоянием самых широких кругов слушателей.

С другой стороны, именно в сопровождении гитары исполнялись, распространяясь по всей России, песни и романсы Алябьева, Варламова, Гурилева, Булахова, Глинки, Даргомыжского — лучших композиторов первой половины XIX века на стихи Пушкина, Жуковского, Дельвига, Боратынского, Языкова, Вяземского, Лермонтова, Кольцова, молодого Фета. По-видимому, эта классическая поэзия без участия гитары не смогла бы в такой степени проникнуть в души людей, принадлежавших к самым разным общественным слоям, и стать своего рода фундаментом русского эстетического самосознания.

Словом, значение искусства гитары в век Пушкина и Глинки, «золотой» век отечественной культуры, было чрезвычайно велико и многообразно.

Расцвет искусства гитары, начиная с 1840-х годов, сменяется длительным периодом упадка и даже вырождения. Ближайшей и очевидной причиной ее драматической судьбы был тот факт, что в эти годы музыка переходит из своего главным образом «домашнего» бытия в большие концертные залы, где звучание гитары резко проигрывало в сравнении с фортепьяно или скрипкой. В просторных залах гасли специфические гитарные модуляции, терялись певучесть и богатство обертонов.

Но решительное отеснение гитары было обусловлено и тем, что она соответствовала юной, начальной поре русской музыкальной культуры, а зрелость требовала всемерного развития фортепьянной и симфонической музыки. И даже те композиторы второй половины XIX века, которые высоко ценили гитару — Даргомыжский, Балакирев, Чайковский, Мусоргский, — все же не уделяли ей сколько-нибудь серьезного внимания.

Разумеется, гитара отнюдь не исчезла в сороковые и позднейшие годы, она продолжала звучать по всей России. Но она надолго стала чисто «бытовым» инструментом, почти полностью оторванным от высокого в музыке. Уже в середине XIX века сохранились только лишь отдельные небольшие очаги подлинного искусства гитары. Одним из них был круг сподвижников и друзей нашего величайшего драматурга Островского, в театре которого гитара занимала очень большое, даже исключительное место. Среди ведущих представителей этого круга — не расставшиеся со своим инструментом ученики Высотского Аполлон Григорьев и Михаил Стахович, которые к тому

Сергей Орехов немало может рассказать о старинных инструментах.

Фото И. Тункеля

же первыми дали глубокое осмысление и оценку искусству русской гитары. Они были тесно связаны и с еще одним учеником Высотского — И. В. Васильевым, после кончины И. О. Соколова возглавившим лучший тогдашний цыганский хор. Есть сведения, что именно Васильев сочинил музыку знаменитой «Цыганской венгерки» на слова Григорьева.

И во второй половине XIX века искусство гитары оставалось неотъемлемой частицей отечественной культуры, что наглядно выразилось в литературе того времени. Гитара как бы постоянно присутствует в лирике Фета, Полонского, Мейя (все они с молодых лет были близки к Аполлону Григорьеву), в прозе Тургенева, Лескова, Толстого; позднее, уже в XX веке, искусство гитары очень многое значило для Блока и Есенина.

С 1920-х — 1930-х годов возникает электронно-усилительная техника, и та причина «отступления» гитары, о которой шла речь выше, полностью устраняется. Через микрофон гитара звучит так же, как и другие инструменты. Казалось бы, русская гитара должна была вступить в период нового расцвета.

Тем не менее ее судьба и в XX веке оказывается весьма сложной. Дело в том, что исполнители в большинстве своем раньше или позже отходят от семиструнной гитары и обращаются к шестиструнной, испанской. Эта тенденция особенно усилилась после гастролей в нашей стране великого испанского гитариста Андреса Сеговии (он трижды приезжал к нам в 1920—1930 годах). Только два крупных гитариста В. М. Юрьев (1881—1968) и М. Ф. Иванов (1889—1953), полностью сохранили верность «семиструнке». Кроме того, до самого последнего времени семиструнной гитаре были еще верны и многочисленные цыганские музыканты, среди которых выделялся своим проникновенным даром Валерьян Егорович Поляков (1907—1967), в юности игравший для Есенина.

Нет сомнения, что испанская гитара имеет свои огромные возможности, столь великолепно раскрытые Андресом Сеговией. У нас были и есть «шестиструнники» высокого класса: назову имя превосходного современного музыканта Н. В. Осипова, который постоянно выступает в концертных залах, по радио и телевидению, записал несколько грампластинок. Его исполнение не уступает современным мировым образцам искусства шестиструнной гитары. Но нельзя забывать, что эта гитара развилась на почве испанской народной музыки, и ее едва ли можно оторвать от этой

почвы. Закономерно, что и поныне наиболее выдающимися мастерами этого инструмента являются, как правило, испанские или латиноамериканские музыканты. И, в частности, именно поэтому даже при самом глубоком восхищении достоинствами испанского инструмента у нас нет никаких оснований отказываться от продолжения и развития традиций отечественной семиструнной гитары, органически связанной с русской народной мелодикой.

Музыка Полякова, вместе с уроками Юрьева и Иванова, стала вдохновляющей основой для крупнейшего представителя современного искусства семиструнной гитары Сергея Дмитриевича Орехова. В его искусстве как бы вновь соединились две ветви, восходящие к М. Т. Высотскому, но надолго разошедшиеся.

Как уже говорилось, Высотский создал художественный стиль, в котором роднились, сливаясь в единой музыкальной стихии, русские народные мелодии и классические пьесы Моцарта, Бетховена, Баха. По свидетельству М. А. Стаховича, в искусстве Высотского «самые яркие местные, русские народные эффекты... носят такой общеклассический музыкальный отпечаток, что возводят каждую его русскую тему до степени строгой композиции». Это полностью относится и к искусству Сергея Орехова. Простейшие, казалось бы, народные мелодии обретают в его исполнении сложность и стройность высокой музыки, а классические образцы становятся до конца внятными любому слушателю, не теряя, разумеется, своего мелодического богатства.

В музыке Сергея Орехова постоянно возникают своего рода отзвуки классических инструментов; его гитара словно воссоздает фортепьянные, скрипичные, виолончельные звучания; но все это живет внутри особенной задушевной мелодики — напевно-разговорной (как сказано в стихах Аполлона Григорьева, «допой же мне, — договори ты песню недопетую»).

Утонченная художественная культура нераздельно сливается в музыке Сергея Орехова с жизненной вольностью, поистине виртуозная техника — с открытым душевным порывом. И если не упускать из виду, что гитара сегодня — самый что ни на есть распространенный инструмент, нетрудно понять, сколь существенное и плодотворное значение имеет искусство Сергея Орехова и его сподвижников. Оно способно стать своего рода мостом между высшей музыкальной культурой и «бытовым» музицированием, к которому приобщаются миллионы людей.

Пожары в Сосновке

О НОВОЙ ПОВЕСТИ ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА

Д. ИВАНОВ

Такого героя, каким в последней повести Валентина Распутина «Пожар» («Наш современник» № 7, 1985 г.) предстает Иван Петрович Егоров, у писателя еще не было. Была в «Прощании с Матерой» старуха Дарья, которую тоже тянуло думать о старом и новом, о вечном и нынешнем, искать ответы на самые насущные, глубинные вопросы, рожденные ходом жизни, и которая не страшилась перед любым сказать в открытую то, что считала правдой. В «Живи и помни» была Настена, которая, чтобы не загубить совести и души своей, тоже способна и в конце концов решилась на отчаянный поступок. В «Последнем сроке» был Михаил, единственный из детей старой Анны принявший на себя груз их общего долга перед матерью. Еще был в самой первой повести «Деньги для Марии» Кузьма, которому тоже пришлось испытать, сколь же не просто стать ходатаем по людям даже и за справедливое дело...

Но не было такого — настоящего современника: болеющего главными болями наших дней; активно сопротивляющегося проникновению в жизнь недобросовестности и ищущего поддержки в других; открывшего на многое глаза и не боящегося называть вещи своими именами... Именно таким заявлен Иван Петрович — не «работяга», как теперь почему-то ли снисходительно, то ли презрительно именуют часто ему подобных, но истый труженик; леспромхозовский шофер с ангарских, родных Распутину берегов; отец троих взрослых детей, которые, правда, разъехались искать лучшей доли, оставив отца с матерью; мужик в немалых годах, но в расцвете умения, опыта и желания сделать жизнь честной, трудовой, справедливой, доброй... И вот этого-то человека мы застаем в момент, когда в Сосновке вовсе не стало ему мочи и собрался он к сыну, в далекие неродные Сырники. И не просто переехать решил, а готов уже бежать... Да-да, первой же строкой Распутин смутит душу читателю: «И прежде чувствовал Иван Петрович, что силы его на исходе, но никогда еще так: край, да и только». А через страницу автор еще более властно угнетает нас: «Ничего не хотелось. Как в могиле... Он лежал и вяло, и беспричинно, будто с чужой мысли, мусолил в себе непонятно чем соединившиеся слова «март» и «смерть»...»

Да, вот с таким гнетущим предощущением грозящей беды вводит нас писатель в свою новую повесть.

Что же гонит Егорова с родимой земли?

Беспорядок. Беспорядок вокруг и внутри него самого. Сначала окружающий беспорядок, потом и внутренний.

«Иван Петрович испуганно размышлял: свет переворачивается не сразу, не единым махом, а вот так, как у нас: было не положено, не принято, стало положено и принято, было нельзя — стало можно, считалось за позор, за смертный грех — почитается за ловкость и доблесть. И до каких же пор мы будем сдавать то, на чем вечно держались? Откуда, из каких тылов и запасов придет желанная подмога?»

Егорова терзает и мучит, как, почему «у

нас», то есть у них в Сосновке, дошло до края, до жизни такой. И он не умеет и не хочет скрывать своего отношения ко всему, что повинно или потворствует ненавидимому им «раздольному житью-бытью». А Распутин не боится открыть читателю его мысли и душу. Он и поселил его, такого, не где-нибудь в Сырниках — «порядка здесь просматривалось больше», — а именно тут, в Сосновке.

А в этом лишь недавно переставшем считаться временным и все поторапливаемом поскорее вырубить все вокруг себя поселке постепенно (но весьма быстро, а главное — раньше, чем у других) не стало очень и очень важного — порядка. Порою не стало совсем управы на «архаровцев» — на тех, кто приехал взамен коренных, убывших да умерших, на тех, кто призван был, чтоб управиться с подскокившим планом, с новой мощной и сноровистой техникой. А они почему-то все больше «кто за лишним рублем, кто за лишним днем, который все равно, как и где прожить, лишь бы быть ему прожиту». Да и сами-то сосновские тоже уже «научились косо смотреть на всякого, кто по старинке качает права и твердит о совести»: «Пришел утром Иван Петрович в гараж, а на его «КраЗе» соединительные тормозные шланги к прицепу изрублены. Накось, значит, выкуси, правдоискатель плюшевый. Это ему однажды было сказано: «Что ты, как мишка плюшевый, которому два слова звинтили: хорошо — нехорошо, хорошо — нехорошо. Ты сам кумекай маленько».

А дружок Афоня Бронников такое Ивану Петровичу внушал: «Я так считаю: я работаю честно, живу честно, не ворую, не ловчу — и хватит».

Вот так и начинался беспорядок вокруг Егорова, хотя был, есть и остается план — всему голова в Сосновке. Правда, чаще всего план этот одни лишь «кубики» учитывал. И хотя не просто добывать лесные кубометры, но выполнить, «закрыть» план — это уже совсем другая наука. «...Дело это не только хитрое, — думает леспромхозовский начальник Борис Тимофеевич, — но и требующее много чего сверх всякой хитрости. Объяснить все это было нельзя... (разрядка моя. — Д. И.)».

Но Иван Петрович хотел, чтобы ему объяснили; рвался изменить положение, когда многим выгодны неразбериха и неурядица с планом; допытывался принародно, «почему делается вид, что все хорошо и даже прекрасно, если выполняем план, и до каких пор план станет прикрывать и оправдывать все, что творится внутри плана?»

О, как он хотел, как он взыскует порядка! Люди, настоящие люди устали, замучились без него. Ведь что же получается на самом-то деле? Мало что работаешь, не жалея себя, — сам же еще и порядок наводишь... Где время, где силы и нервы брать для этого, а главное: где взять права, строгие и неотвратимые? Да Иван-то Петрович и так бы, поди, взялся и попер против любого, но только где же помощь какая-нибудь...

Вместо того вовсе край подступил. Всякие нероби и пьянчуги стали «сбиваться в круг, разрастаться в нем в открытую, ничего не боящуюся и не стыдящуюся силу». Люди в Сосновке, и раньше-то потерявшие спайку, «столкнувшись с какой-то невиданной сплоткой, держащейся не на лучшем, а словно бы на худшем в человеке», совсем растерялись.

И Иван Петрович размышляет:

«Что такое теперь хороший или плохой человек? А ничего. Устаревшие слова, оставши-

еся в языке как воспоминание о дедовских временах, когда с простотой и наивностью человека оценивали по его душевным жестам, по способности или неспособности чувствовать, как свое собственное, чужое страдание. В житейской же практике уже тот ныне хороший человек, кто не делает зла, кто без спросу ни во что не вмешивается и ничему не мешает. Не естественная склонность к добру стала мерилом хорошего человека, а избранное удобное положение между добром и злом...»

Мысли героя разделяет автор. И это придает им значение предупреждения. Оно звучит тем более своевременно и потому, что сегодня, к сожалению, далеко не все еще готовы посмотреть в глаза правде, какой бы горькой она ни была. А время настоятельно требует этого — правды в отношениях и в словах.

Далеко не перевелись у нас и любители ждать от книги обязательной финальной победы добра над злом. Как же им быть, если писатель показывает, что добро и зло, случается, и не различить?.. Хотя, с другой стороны, даже и не только у подобных читателей может встать вопрос: а не преувеличивает ли Распутин опасность?

Может быть. И думаем, писатель идет на это сознательно, ибо такая позиция художника продиктована его гражданским долгом одолеть липкую благодать бодрячества в решении важных жизненных проблем. И в то же время это не проявление авторского пессимизма, а выражение его осознанной ответственности перед днем нынешним и завтрашним. Распутин выплеснул в «Пожаре» то, что годами отягощало нашу жизнь и с чем сегодня общество борется в открытую.

Если посмотреть шире, то теперь от художника требуются не внешне, по касательной, смелые обличения «актуального», не очередные «намекы» на прежние и нынешние беды, не тем более скоропалительная «интенсификация» оптимизма... Необходимо осознать ситуацию такой, какая она есть, представить реальную картину жизни. Так давно хотелось серьезного разговора (а не иронического или мифологизированного, которые часто велись в последнее время), разговора углубленного — не простого списывания протекающей действительности, разговора о главном — не о следствиях, а о причинах.

И новая повесть Распутина такой разговор начинает. Ее героя властно влечет желание нащупать, разглядеть связи явлений, которые то ли распались, то ли вдруг пагубно сплелись. Конечно, что-то Иван Егорович ненамеренно преувеличивает, мимо чего-то проходит стороной. Вот раздумывает он, например: «Но не было же этого поначалу, уже и в новом поселке не было, чтоб люди так разошлись всяк по себе, так отвернулись и отбились от общего и слаженного существования, которое крепилось не вчера придуманными привычками и законами. А вспомнить, не ими ли, не этими ли законами, не этой ли грудью единой спасались и спаслись в старой деревне в войну и в лихие послевоенные годы, когда за десять колосков, не размениваясь и не мелочась, на десять же лет и приговаривали? Но мог бы он, прошлые да нынешние времена сравнивая, взять в ум и такую мысль: «боковым ходом» тогда пошло, когда откровеннее и откровеннее стал нарушаться главный принцип всей нашей жизни: от каждого — по способностям, каждому — по труду. Воздавалось бы чаще и чаще по труду, тем более не за место только, — глядишь, «архаровцам» в Сос-

В. Яковлев. 1893—1953. СТАРАТЕЛЬ. 1937.

Художественная выставка «40 лет Победы над фашизмом».

Т. Салахов. Род. 1928. ПОРТРЕТ ВАРИ. 1984.

ГУТНОЕ СТЕКЛО

Далеко за пределами нашей страны известно львовское гутное стекло, его оригинальные формы, красота и неожиданность цвета. Украина издавна славилась изделиями из этого материала, которые тогда производили в маленьких мастерских — гутах. Мастер набирал на трубку расплавленное стекло, свободно раздувал его, не ограничивая металлической или деревянной формой. Это делало каждую такую работу неповторимой.

Современные мастера упрочили славу своих предшественников. Чтобы преодолеть сопротивление капризного материала, требуется большое умение и упорство. На четвертой обложке номера вы видите работы в этой технике художника Евгения Шимоня-Косаковской.

Нелегким было ее детство. Родилась в сельской семье. Отец погиб на фронте. Но с юных лет мечтала стать художником, и обязательно по стеклу. Прозрачность материала, яркость красок и тонкость оттенков, твердость и одновременно хрупкость привлекали девушку, пробуждали творческое воображение.

По направлению областной организации Союза художников она пришла работать на Львовскую керамико-скульптурную фабрику. Здесь и началась рабочая и творческая биография Евгении Ивановны. Сначала поступила на вечернее отделение художественного стекла Львовского института прикладного и декоративного искусства. Ее дипломная работа — многофигурная композиция из стеклянных дров (палочек) на тему гуцульских молодежных посиделок — еще до защиты экспонировалась в Москве на всесоюзной выставке, посвященной пятидесятилетию образования СССР.

А через три года на своей персональной выставке Е. Шимоня-Косаковская показала сотни разнообразных композиций в своей излюбленной технике стеклянных дров на темы исторического прошлого и настоящего нашей Родины. Тогда же Евгения Ивановна представила и первые свои работы в гутном художественном стекле. И с тех пор оно стало главным в ее творчестве.

От национальных традиций идут яркая декоративность ее произведений, простота, законченность, плавная округлость, четкость и упругость линий, неудержимое буйство красок.

Она хорошо владеет скульптурной лепкой и росписью по стеклу, может придать изделию разнообразную фактуру с помощью эмалей и других компонентов. Евгения Ивановна разработала собственные декоры и технологию их применения. Сегодня в «Огоньке» вы видите ее декоративные композиции: «Молодость», «Фантазия», «Красная конная», «Карпаты», «Вербас»...

ПОБЕДА В АРГЕНТИНЕ

Молодой московский теннисист Андрей Чесноков, воспитанник тренера Т. Наумко, прекрасно проявил себя в трудных для нашей сборной матчах нынешнего розыгрыша Кубка Дэвиса. И вот последний матч сезона за право остаться в группе шестнадцати сильнейших, куда советская сборная вновь вернулась после длительного перерыва, — матч с командой Аргентины у нее на родине, в Буэнос-Айресе.

Аргентинцы — финалисты Кубка Дэвиса 1981 года, победители и призеры многих крупных международных соревнований. В споре за «серебряную салатницу» они в последние пять лет четыре раза встречались с многократными обладателями этого почетного приза, командой США, и дважды наносили ей чувствительные поражения. В прошлом году аргентинцы вошли в восьмерку сильнейших команд мира.

Да, победить аргентинскую

Буэнос-Айрес. На корте А. Зверев и С. Леонюк.

команду трудно, ее возглавляют два великодушных мастера — Хосе Луис Клерк и Мартин Хайт. Их послужной список говорит сам за

себя: Клерк — победитель открытых чемпионатов Италии и США среди профессионалов, полуфиналист открытых первенств Франции;

у него положительный баланс результатов личных встреч с такими грандами мирового тенниса, как И. Лендл, Дж. Маккинрой, Дж. Коннорс, Э. Телчер, и другими. Видное место в мировой теннисной элите занимает и Хайт, победитель ряда престижных турниров «Гран-при».

У себя дома аргентинцы почти никому не проигрывают, но встреча с нашими теннисистами обернулась для хозяев поражением. Хайт уступил А. Чеснокову, причем по всем статьям — 0:6, 4:6, 2:6. После четырех поединков счет матча стал ничейный — 2:2. И теперь все решал заключительный раунд, где против Чеснокова выступал Клерк. Свыше четырех часов длилась их напряженная дуэль. Наступившая темнота вынудила прервать ее до утра. А на следующий день Андрею удалось переломить ход поединка и одержать победу 2:6, 1:6, 6:2, 6:4, 6:2.

Под руководством заслуженного тренера СССР Ш. Тарпищева самоотверженно сражалась вся советская команда — москвич Александр Зверев, минчанин Сергей Леонюк, юный калининградец Александр Волков.

Итак, в будущем году советские теннисисты продолжат борьбу в высшей лиге розыгрыша Кубка Дэвиса, неофициального командного первенства мира.

Ю. ОСИПОВ

новку и ехать не надобно было б, да и вообще «архаровцев» было б куда меньше...

Но здесь следует заметить, что Распутин слишком уж «нагружает» своего героя, — один Егоров не в состоянии выразить весь объем и глубину отношения к картине, которую автор хотел нам представить. Повести не хватает корней и историй других персонажей, защиты ими своих нравственных позиций, не хватает личностей этих людей. Егоровский дружок Афоня Бронников, начальник леспромхоза Борис Тимофеевич, «архаровец» Сашка Десятый — по большому счету, они только названы, поименованы, не обрели истинной художественной плоти. Нет ее в полной мере и у самого Ивана Петровича.

Мы не случайно в первых же строках сказали, что его характер писателем «заявлен». Егоров в повести действительно больше «на слуху», чем «на виду». Та редкая психологическая зримость поступков и мыслей, которая выделяет Распутину как художника, в фигуре Егорова выявилась слабее обычного. В героя, безусловно, веришь, — но осталась «за кадром» психологическая достоверность многих его поступков и действий, которыми он привлекает прежде всего.

Правда, поскольку эта маленькая повесть, несомненно, представляет собою и род притчи, можно предположить, что Распутин сознательно шел на недоговоренность в обрисовке характеров «Пожара»: если для такого его

персонажа, как Борис Тимофеевич, «объяснить», как мы помним, — все это было невозможно, то и для писателя слишком непросто было бы раскрыть здесь все реальные основания и мотивы поведения своих героев.

Тут, наконец, пришло время сказать, что в сотый раз перекручиваемые Егоровым думы и думки гложут Ивана Петровича в повести во время пожара.

Да, только он пришел домой и лег в прихожей на лежанку, как загорелись продовольственный и промтоварный склады, и Иван Петрович бросился тушить их. И все сосновцы тоже прибежали спасать добро. Правда, немало среди них было и своих, и пришлых, которые не брезговали разжиться на такой беде. И удавалось им это, чего греха таить, как ни противились тому Егоров и другие. Но когда уже знаешь от Ивана Петровича о сосновских порядках, или, вернее, беспорядках, сама по себе картина пожара, прямо скажем, мало чего добавляет...

Главный же, думается, пожар — в душе Ивана Петровича, которая, медленно-медленно тлея, перегорала, а теперь, напоследок, может и вспыхнуть.

А загорелось в Сосновке, думается, затем, что иначе действительно был бы край, была бы открытая стычка, схватка Ивана Петровича с «архаровцами», с их атаманом: «Кому-то надо или не надо держать оборону? Против чужого врага стояли и выстоим; свой враг, как и свой вор, пострашнее». И пошел бы тог-

да Егоров от обороны в бой — и, наверное, в смертный бой.

Но пока же общее бедствие этот бой отсрочило.

И на пожаре, конечно, не обошлось без жертв, пали в нем передовые бойцы: честная дядя Миша Хампо и Соня — один из самых дерзких «архаровцев». Но Иван Петрович уцелел — удержался на краю.

Распутину и не хочется, чтобы его герой край перешел. Не желает писатель этого, страшится. Один он пока в Сосновке — Иван Петрович. Пусть останется в ней, и пусть скорее придет к нему подмога.

...В прошлом году, заканчивая статью, посвященную десятой годовщине смерти Василия Шукшина, «Твой сын, Россия, горячий брат наш...», Валентин Распутин писал (альманах «Сибирь» № 4, 1984 г.): «И вот в этом-то — в предельной напряженности слова и объединяющей его силе, — мы, кажется, не сумели поддержать Шукшина. И мы говорим о том же, но спокойней и отстраненней; и нас читают, но своим читателем, по-гурмански».

В своей новой повести перед лицом «раздольной» разъединенности, неприемлемой ни писателем, ни его героем, Распутин сумел достичь очень большой публицистической «напряженности слова». Теперь снова будем ждать книги, где она предстанет переплавленной в истинно распутинскую «напряженность слова» прозаического — неуспокоенного и объединяющего.

Вечное «СЛОВО...»

Исполняется 800 лет «Слову о полку Игореве» — произведению, ставшему во главе трех великих литератур: русской, украинской, белорусской... Корреспондент «Огонька» С. КАЛИНИЧЕВ беседует о выдающемся памятнике с известным украинским писателем Олесем ГОНЧАРОМ.

— Александр Терентьевич, эпиграфом к роману «Знаменосцы», который вы писали по горячим следам войны, вы взяли строки из «Слова о полку Игореве»: «О, Руская земля! уже за шеломянемь еси!». И в самом тексте романа дыхание «Слова» чувствуется с первых строк, «с тех пор как передовые части перешагнули границу и скрылись за горбатыми холмами чужой земли...»

— Не продолжайте... Строки из бессмертного «Слова» я взял в качестве эпиграфов не только к первому, но и второму, и третьему романам трилогии «Знаменосцы». Ничего необычного в том не вижу. Если уж вы предложили вспоминать, то давайте вспомним... «Слово о полку Игореве» создавалось по горячим следам, сразу после похода Игоря. В своих современниках, в людях, надо полагать — обычных в повседневной жизни, автор «Слова» увидел героев, защитников родной земли — самоотверженных и бескорыстных, чей ратный подвиг прольет свет на века... Разве не такими же виделись нам солдаты Великой Отечественной, живые и — особенно — павшие? Тут древний поэт в прозе будто через века заглянул к нам в души.

На фронте, среди ужасов войны самым светлым для нас была дружба — солдатская, человеческая, дружба людей разных национальностей. Делясь с товарищем щепотью махорки, выручая его в бою, ты знал, что и он в минуту опасности прикроет тебя своей грудью. Это великое чувство товарищества, побратимства поднимало человека в собственных глазах, делало его сильнее смерти. А если в траншею собирались, скажем, украинец, казах, латыш, русский, объединенные этим советским родством, то чувствовали, что мы люди одной семьи! Дружба народов, интернационализм стали решающей силой в нашей борьбе с фашизмом... А теперь вернемся к «Слову». Ведь в пору поражаться тому, что главной целью и смыслом этого гениального произведения стал призыв к единению всех, кто сущ на земле нашей. И не случайно в годы Великой Отечественной войны к «Слову» обращались Ольга Берггольц, Максим Рыльский, Александр Прокофьев и многие другие советские писатели. Скажу больше: страстный призыв «Слова» к единению оставался актуальным на протяжении многих веков, но наиболее полное, зримое воплощение нашел именно в грозные годы войны с фашизмом.

— Надо ли понимать, Александр Терентьевич, ваши слова так, что произведение безымянного пращура наших литераторов все эти годы и века «работало», то есть оказывало воздействие на развитие литературы или, скажем более широко, — культуры народа?

— Тут не может быть двух мнений. Вспомните примеры, когда ученые-астрономы от-

Фото Н. Козловского.

крывали новую звезду, не видя ее, а только по могучему влиянию ее присутствия на другие космические тела. Так и «Слово». Открытое для современного читателя два столетия назад, оно и ранее много раз переписывалось, передавалось из поколения в поколение, оставаясь источником могучей духовности, оказывало благотворное влияние на нашу средневековую литературу, а следовательно, и на весь дальнейший процесс ее развития. В этом, собственно, главная особенность классики. То или иное произведение не возникает в вакууме, оно вырастает из среды, является творением всей литературы, ибо оно неотделимо от ее традиций, от ее исканий, от ее современного уровня. В этом отношении мы можем говорить, что на плечах «Слова» стоят Пушкин и Гоголь, Толстой и Достоевский. На Украине эта могучая стихия духовности породила национального гения Тараса Шевченко.

Давайте подумаем о природе классики. В храме цивилизации это своего рода несущие конструкции. Только опираясь на них, используя заложенный в них запас прочности, можно развивать национальную и мировую культуру. Разве можно представить себе духовный потенциал украинской нации без Тараса

Шевченко, Леси Украинки, Панаса Мирного, Ивана Нечуй-Левицкого? «Кобзарь» стал настольной книгой для миллионов украинцев, он и ныне формирует нравственность нашего народа. А «вечный революционер» Иван Франко, чье 130-летие со дня рождения в будущем году отмечается мировой общественностью! Под эгидой ЮНЕСКО и с участием Всемирного славянского комитета во Львове состоится научная конференция «Франко и мировая культура». Это был великий гуманист, просветитель, глашатай взаимопонимания народов. Он ведь писал не только на украинском, но и на русском, на польском, на немецком языках. И уж если кто строил золотые мосты между народами, между Востоком и Западом — это Франко. Между ним и Павлом Тычиной, воспевающим «чувство семьи единой» советских народов — прямая связь...

Думая о «Слове», хочется сказать: счастье, что не погубило оно в дикие времена вражеских нашествий, что народ уберег, сохранил его и во тьме веков!

— Как вы считаете, в чем основное значение классического наследия и, в частности, «Слова» для нашего времени и будущих поколений?

— Вы затронули важный вопрос. В наш век скоростей, когда идет изобретение принципиально новых машин, создание новых технологий — тем не менее создавать принципиально новую, лишенную народной основы нравственность или отчужденную от национальных традиций культуру было бы дико, даже самоубийственно. Вспомните, все людоедские режимы во все века начинали с разрушения культурных традиций, преследования нравственных начал. Этому немало примеров и в давней, и в нашей современной истории. Фашистский изувер Геббельс утверждал, что совесть и образование калечат человека и что при слове «культура» он хватается за пистолет... Современные людоеды не так грубы, они пытаются создать антикультуру, антимысли, антиискусство, прекрасно понимая, что закабаление народов начинается с разрушения нравственных начал (а к ним и относится классика), сведения чувств до уровня животных инстинктов.

Вообще я считаю, что мера духовности — это проблема проблем. От степени духовности человека зависит все наше будущее. Тут нельзя уступать ни одной из завоеванных вершин. И все поиски нового тогда плодотворны, когда ведутся с высоты завоеванного. Самые высокие вершины возникают в горных массивах, а во чистом поле они невозможны. Никакой витиеватостью или, как говорят у нас на Украине, кучерявостью слога, никаким шаманством с применением псевдозначительных слов-символов, слов-намеков или космических обобщений не прикрасить духовного невежества, отсутствия элементарных знаний и душевного освоения классики. В этом отношении «Слово» всегда будет привлекать к себе не только исследователей, узких знатоков древностей, но просто читателей. Больше того, по мере об-

щего роста гуманистической культуры народа, его духовного потенциала, миллионы людей будут открывать в нем для себя истоки нашей нравственности, патриотизма, дружбы народов и, конечно же, высокой магии художественного слова.

— Последний вопрос. «Слово о полку Игореве», как вы сами заметили, произведение о войне... Ваши «Знаменосцы», «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Фронт» А. Корнейчука, «Они сражались за Родину» и «Судьба человека» М. Шолохова и некоторые другие крупномасштабные вещи стали... как бы поточнее выразиться — отправными вехами в литературе о минувшей войне. Поток книг на эту тему возрастает. Чем объясните вы, как член Всемирного Совета Мира, неугасающий интерес к произведениям о Великой Отечественной? Но до того, как ответите, поясню: причины непреходящего интереса к «Слову» и к теме прошедшей войны мне кажутся очень близкими. Так ли это?

— Великие произведения отечественной литературы, такие, как «Война и мир», «Тарас Бульба», «Тихий Дон», воспевают мужество народа, сыновнюю любовь к отчей земле — и разве не этим прежде всего они дороги каждому из нас? Быть певцом мужества человеческого — эта достойнейшая миссия литературы, думаю, останется за нею и на грядущие века. Ведь человек всегда будет нуждаться в том, чтобы укреплять свой дух, обретать нравственную стойкость перед испытаниями, всегда будет стремиться развивать в себе гуманнейшие чувства братства, коллективизма и такое естественное желание помочь другому в его затруднениях, горе, а то и в страданиях. Стремление к самосовершенствованию, к более гармоничному устройству мира, к тому, чтобы преодолеть жестокие распри, нагнетаемую вражду и во всей силе ощутить красоту жизни мирной, творческой, созидательной — это, согласитесь, видимо, в самой природе человека.

Неоценим вклад в дело мира советской многонациональной литературы. Ее последовательный, активно действующий гуманизм вряд ли кто станет оспаривать. Вот почему, говоря о многоязычной нашей литературе, воссоздавшей бессмертный подвиг советских людей в борьбе за освобождение от фашистского гнета целых народов, следует, мне думается, видеть сделанное в истинном, не преуменьшенном свете. Написано лучшее или еще не написано — это, в сущности, праздный вопрос. Конечно, художнику важно не самообольщаться, и вечное чувство неудовлетворенности, как известно, сопровождает творческую работу многих писателей. И все же я считаю, ближе к истине находятся те из наших исследователей, которые воздают должное творческому подвигу писателей Страны Советов и нашим соотечественникам в странах социалистического содружества, благодаря которым созданы многие и многие книги, достойно передавшие дыхание грозного времени, книги, весьма существенно обогатившие всю мировую литературу.

Произведения наших писателей-фронтовиков и творчество тех, кому всенародное напряжение, великий патриотический порыв пришлось видеть еще детскими или отроческими глазами, — все это, вместе взятое, составляет наше общее, огромное культурное достояние. Этим, видимо, объясняется неиссякающий интерес читателей к теме прошедшей войны, к уже реально существующей литературе мужества, правды и человечности — литературе, которая сродни и «Слову», и всей нашей неувядающей классике. В книгах, озаренных сполохами грозных лет, со всей страстью и художественной достоверностью запечатлевших величайшую схватку XX века, где решались судьбы народов, активно мыслящий человек, в частности наша молодежь, надеемся, почерпнет для себя такой нравственный урок, который поможет ей обрести достойное место в жизни, глубже ощутить свою сопричастность к тем силам разума и прогресса, которые определяют движение современной истории.

Книги советских писателей о войне, как известно, отличаются глубокой антимилитаристской направленностью, в этом их гуманистическая сущность, и этим, видимо, объясняется, что они столь жизненны, столь созвучны заветным чаяниям и устремлениям тех, кто сегодня в неустанной борьбе на всех континентах отстаивает дело мира, отстаивает само будущее народов Земли.

Во время съемки испытаний сильной взрывчатки сотрудник киностудии Лоуэлл похищает два заряда и скрывается. После этого он тайком проникает в номер к режиссеру Карсону и уничтожает его паспорт. Затем выкрадывает из кабинета конгрессмена Медуика порочащие конгрессмена документы.

Тогда же Лоуэлл посылает анонимное письмо заместителю помощника министра юстиции Уильямсу, в котором угрожает смертью ему и еще пятерым: режиссеру Карсону, красавице Стефани Сполдинг, тренеру Уорнки, конгрессмену Медуику и маклеру Меллону. Уильямс начинает расследование.

Выясняются неблагоприятные дела конгрессмена-взяточника. После ночного звонка Лоуэлл Медуик едет на встречу с ним, надеясь выкупить документы. Когда конгрессмен возвращался домой, Лоуэлл прострелил переднюю шину его автомобиля. Потерявшая управление машина падает с обрыва. Медуик погибает.

Поиски убийцы приводят Уильямса в архив, где он знакомится с протоколами заседаний сенатской комиссии, разбиравшей дело о зверствах «зеленых берегов» в период войны во Вьетнаме.

Джозеф ДИМОНА

РОМАН

15

Когда зазвонил телефон, Томми Шовайса, как обычно, сидел в подвале. Он строил модель самолета. С моделями он возился дни и ночи. Отец жаловался, что мальчик превращается в крота. Но Томми был тихим, застенчивым и необщительным. Лишь уединясь в подвале, где лампочка под потолком освещала точные копии немецкого «фоккера», «спеда», «харрикейна» и «корсара» с изогнутыми крыльями, Томми чувствовал себя уверенно и спокойно.

— Аллен у Голдторпов, просит привезти ему плавки! — крикнула мать, не входя в подвал. — Поедешь?

Томми поехал. Он любил сводного брата, который был на пять лет старше его. Аллен защищал ворота футбольной команды «Стойбенвилл хай» и, хотя был низковат для вратаря, как он брал мячи! В прошлом году в решающем матче с «Уилинг хай» он взял три мяча, один из них отбил рукой всего в футе от ворот, бросившись между двумя защитниками.

Через несколько минут десятилетний мальчик въехал к Голдторпам, везя плавки на багажнике. Он поставил велосипед, пошел на задний двор и увидел там неприятную для себя картину: его брат целовал эту девочку. Томми видел, как они отодвинулись друг от друга, и Пегги сказала Аллену: «Я тебя всего вымочила». С еще большим неудовольствием он заметил, что брат его раскраснелся и тяжело дышит. И тут они одновременно увидели его.

— Томми! — воскликнула Пегги. Оба разглядели выражение его лица и рассмеялись. Томми не видел ничего смешного, но тоже улыбнулся и протянул Аллену плавки. Аллен шутиливо смазал его по уху.

— Как успехи, дружище? Как «фоккер»?

— Что? — спросила Пегги, они оба снова рассмеялись, и Томми смутился.

— «Корсар», — ответил он, чтобы прекратить этот смех. — С изогнутыми крыльями.

— Приеду домой — покажешь, — сказал Аллен, и Томми понял, что ему нужно уезжать.

— Через час я его закончу. — Он побежал

к велосипеду. — Пока! — крикнул он и завертел педали.

— Кажется, мы шокировали твоего братишку, — сказала Пегги. — Видел бы он нас вчера вечером.

— Вчера ничего не было.

— И этого много, — откликнулась Пегги. — Большого я не позволю.

Аллен похлопал ее по задку, вошел в дом, переоделся в одной из спален и, выйдя, нырнул в прохладную воду, потом появился Боб с хорошенькой брюнеткой по имени Полли Стеннет, поглядывавшей на Аллена, и день прошел прекрасно, тот самый день, когда будущий президент заезжал в город и открыл по крайней мере одному парню новые горизонты. В довершение всего Аллен в тот вечер первый раз в жизни по-настоящему занимался любовью на траве в тени пустых трибун стадиона. Потом Пегги целый месяц с ума сходила от беспокойства, пока не выяснилось, что она не беременна. И Аллен, недостаточно высокий и крепкий для футбола, но прекрасный

16

Теперь Аллен стоял в темном чулане, прижимаясь к стене. Дверь отворилась. Агент ФБР увидел человека в лыжной маске и отпрянул, но Аллен навел на него пистолет.

— Ни звука, — негромко сказал он и указал на полку. — А ты, — обратился он к тому, что был справа, — возьми простыню и свяжи своего напарника.

Когда все было сделано, Аллен ударил его ребром ладони по голове. Тот повалился, как подрубленный. Аллен заткнул ему рот. Потом осмотрел магнитофон, соединенный с телефоном в соседнем номере, и повозился с проводами. Лежавший на полке агент увидел,

Продолжение. См. «Огонек» №№ 36—42.

что он делает, и попытался высвободить руки. Аллену очень не хотелось делать этого, но выбора у него не было. Он ударил агента апперкотом в переносицу, и тот потерял сознание.

Подойдя к входной двери, Аллен поглядел в щель. Карсон и с ним двое рослых людей как раз входили в соседний номер. Аллен осторожно подошел к столу, достал из портфеля кассету, поставил ее на магнитофон и поднял телефонную трубку. Попросил соединить его с номером 2103 и осторожно положил трубку на место.

Услышав звонок, Уильямс вздрогнул. Он даже в министерстве никому не говорил, что будет здесь. Под взглядами Карсона и его телохранителей он поднял трубку.

Металлический голос, видимо, пропущенный через фильтр, произнес: «Говорит человек, написавший угрожающее письмо. Я готов пойти на сделку. Встретимся через пять минут в вестибюле у газетного киоска. Я подойду к вам». Щелчок. Телефон отключился.

Запись! Явно попытка выманить его из номера. Уильямс передал остальным, что услышал. Но Карсон сказал:

— Ну и пользуйтесь случаем. Что такое пять минут?

— Времени достаточно, — сказал Уильямс.

— И не забывайте о нас, — сказал Мак.

Уильямс на минуту задумался. В соседнем номере два агента ФБР, здесь Мак и Энджи — и есть один шанс на сотню, что этот парень будет у киоска. При такой расстановке сил упустить этот шанс было нельзя.

— Мак, — сказал он, — встаньте снаружи. К двери никого не подпускайте. Если вас потревожит детектив отеля, покажите ему эту карточку. Скажите, что это дело министерства юстиции. Он поймет. Ему известен этот номер. Энджи он велел сесть в кресло между дверью и Карсоном. Парни решили, что он не в себе; никто, ни один человек в любом случае не смог бы пройти мимо них.

В соседнем номере Лоуэлл переменял кассету. Проходя по коридору, Уильямс услышал голоса из-за двери. Один произнес: «Значит, это и есть легендарный Уильямс». Другой ответил: «На меня он впечатления не произвел».

Уильямс улыбнулся и пошел к лифту.

В номере 2103 зазвонил телефон. Карсон сидел у стола, и Энджи предупредил:

— Не снимайте трубку.

— Почему? — спросил Карсон. Телефон продолжал звонить.

— В таких случаях на звонки не отвечают, — сказал Энджи.

Но Карсону уже надоели эти загадки, и, кроме того, звонок действовал ему на нервы. Он поднял трубку, Энджи закричал: «НЕЛЬЗЯ!», и потом, расширив глаза, увидел, что Карсон напрягся, уронил трубку и схватился за горло, голова его запрокинулась назад.

— Черт побери! — закричал Энджи. — Мак! Мак!

Мак ворвался в дверь и увидел Карсона, голова его уже спадала на грудь, Энджи стоял рядом и хлопал его по щекам.

— Что случилось, черт возьми?

— Телефон был с «сюрпризом». Я сказал ему, чтобы он не поднимал трубку. Черт, он мертв. Убит прямо у меня перед носом. Сэм уволит меня за это!

Аллен Лоуэлл торопливо сошел по пожарной лестнице на восемнадцатый этаж, там вызвал лифт, спустился и скрылся в людном вестибюле.

Двое за Томми Шовайса.

17

Через несколько минут Уильямс снова был в номере с детективами отеля и полицией. Парни скрылись. Уильямс наблюдал, как полицейские проводят осмотр, но был в таком же недоумении, как все остальные. Возвратясь в номер до этого, он обнаружил, что парней нет, а Карсон сидит, откинувшись на спинку кресла, с упавшей на грудь головой, мертвый. Телефонная трубка валялась на полу.

Уильямс был в отчаянии. Он убил Карсона, вопреки осторожности выйдя из номера. Войдя в соседний номер узнать, почему агенты ФБР не доложили о случившемся, он увидел

двух связанных людей, лежащих с кляпами во рту, и проклял судьбу, проклял себя, проклял все, чему его учили.

Полицейский помог ему развязать агентов, и они неуверенно поднялись на ноги. Один из них сказал:

— Я видел, как он возился с проводами.

— И вот еще что, — сказал другой. — Когда он поставил пленку, раздался какой-то странный свист.

Пленка со свистом? Уильямс с агентами вернулся в соседний номер, агентов тут же принялся допрашивать капитан из отдела расследования убийств по имени Пэт Макгреди, рослый, полный мужчина, одному из своих людей он велел записывать показания. Неожиданно их перебили. Через кордон полицейских в коридоре ухитрился прорваться какой-то газетчик.

— Исчезни, приятель, — сказал Макгреди.

— Это моя работа, — запротестовал газетчик. Макгреди взял его за локоть и грубо выставил за дверь. В коридоре к нему подошел Уильямс.

— Как только освобожусь, я изложу всю историю. Но не только для вашей газеты.

— Жаль! — сказал газетчик.

Уильямс считал, что должен это сделать. Он мог оповестить о случившемся все телекомпания и все газеты, превратить преследователя в преследуемого. В министерстве будут недовольны, ФБР сочтет это пощечиной, но иной возможности остановить этого человека нет. Он очень опытен.

— Как вас зовут? — спросил газетчика Уильямс.

— Фил Келлер из «Дейли ньюс».

— Я позвоню вам.

Когда он вернулся в номер, врач говорил: «Наружных повреждений нет».

К трубке пока никто не прикасался, она лежала на полу. Уильямс бросил на нее металлический нож для бумаги. Искр не было. Он поднял трубку двумя пальцами, хотя знал, что отпечатков пальцев найти не удастся. Сделал это он просто по привычке.

— Давайте заглянем внутрь, — сказал он Макгреди.

Капитан отвинтил крышку микрофона и заглянул. Там ничего не было. Потом открутил крышку наушника, вытряс оттуда осколки стекла и поглядел на Уильямса.

18

1 ноября 1973 г.

КИНОРЕЖИССЕР УБИТ В НОМЕРЕ ОТЕЛЯ
Служащий министерства юстиции рассказывает
Угроза смертью с упоминанием Кеннеди

Вчера в 20 часов 05 минут Джеймс Карсон, 34 лет, постановщик таких фильмов, как «Последний парад» и «Шпион на нью-йоркской улице», был обнаружен мертвым в номере 2103 отеля «Амбассадор».

Час спустя Джордж Уильямс, заместитель помощника министра юстиции США, сообщил репортерам на краткой пресс-конференции, что убийство Карсона и смерть на прошлой неделе Томаса Медуика, конгрессмена от штата Пенсильвания, — дело рук одного человека.

История эта предстала в неожиданном свете, когда Уильямс сказал, что он и еще пять человек, включая обе жертвы, были упомянуты в угрожающем смертью письме, намекающем на какую-то связь с «десятой годовщиной» убийства президента Кеннеди.

Уильямс сказал, что все были предупреждены. Карсон во время убийства находился под охраной.

В угрожающем письме упомянуты миссис Стефани Сполдинг Уинтроп, живущая в Паунд-Ридже, штат Нью-Йорк; мистер Уорнки из Итаки, штат Нью-Йорк; мистер Эверетт Меллон, Нассау, Багамские острова.

После этого заявления на пресс-конференции поднялся шум. Уильямс отказался отвечать на вопросы относительно Кеннеди, сказав лишь, что никто из шестерых, за исключением мистера Уорнки, никогда не встречался с президентом. Однако, сказал он, все работали на «побочных», как он выразился, должностях в администрации Кеннеди. Например, мистер Меллон, как сообщил Уильямс, был служителем в сенате всего три месяца.

Руководство полиции точно не знает причин смерти Карсона.

Уильямс сказал, что ФБР начинает поиски неизвестного убийцы по всей стране. Никаких ключей к установлению его личности пока не найдено.

Ниже следует текст письма с угрозой, полученного Уильямсом и представленного вчера прессе:

«22 ноября 1973 года — десятая годовщина со дня гибели нашего президента. По причинам, которые вы полностью поймете, мы озабочены эту годовщину убийством следующих лиц:

Джордж Уильямс
Джеймс Карсон
Томас Медуик
Эверетт Меллон
Стефани Сполдинг
Роберт Уорнки».

19

ИЗ ЗАПИСИ ПЕРЕДАЧИ «ВЕЧЕРНИЕ НОВОСТИ» КОМПАНИИ СИ-БИ-ЭС 1 НОЯБРЯ 1973 ГОДА

ДИКТОР. Сегодня у нас в студии находится доктор Кеннет Ленгхарт, один из ближайших советников Кеннеди с шестидесятого по шестьдесят третий год. Специальностью мистера Ленгхарта были международные отношения, он помогал Макджорджу Банди. Скажите нам, мистер Ленгхарт, что происходит?

ЛЕНГХАРТ. Джон, сегодня меня спрашивали об этом сотню раз. Боюсь, что ответа я дать не смогу. Все это слишком... непонятно.

ДИКТОР. Вы не считаете, что это очередная версия заговора против Кеннеди?

ЛЕНГХАРТ. Я считаю, что этого не может быть.

ДИКТОР. Почему?

ЛЕНГХАРТ. Из-за упомянутых людей. Я знаю двоих, Джорджа Уильямса и миссис Уинтроп. Вряд ли они похожи на убийц. Более того, оба они приверженцы Кеннеди. Я когда-то упрекнул миссис Уинтроп за ее убеждение, что со смертью президента погиб весь мир. Она ответила: «Погибла его лучшая часть». И всем в Вашингтоне известно, что Уильямс едва не лишился работы, когда в министерство юстиции пришли республиканцы. Консерваторы не хотят иметь в своей среде демократов Кеннеди.

ДИКТОР. Расскажите нам что-нибудь о Джордже Уильямсе. Я сегодня говорил кое с кем из наших вашингтонских служащих, и мне сказали, что он руководит расследованием этого дела.

ЛЕНГХАРТ. Что ж, по-моему, раз Джордж Уильямс ведет расследование, этот маньяк, кто бы он ни был, вряд ли чувствует себя спокойным.

ДИКТОР. Но если эти убийства не связаны с Кеннеди и если жертвы даже не знали президента, с какой целью убийца упомянул его и написал: «По причинам, которые вы полностью поймете»?

ЛЕНГХАРТ. Осмелюсь сказать, Джон, что этот помешанный имеет на то свои причины. Но в чем они заключаются, я совершенно не представляю.

— Что ж, ясно одно, — сказал диктор после передачи, — этот тип не Бремер и не Освальд. Это профессиональный убийца, изучавший и, может, даже практиковавший оригинальные способы убийства. К тому же он может раздобыть отравляющие вещества, которых, по утверждению министерства обороны, у нас нет. Вывод один. ЦРУ.

Ленгхарт промолчал.

— У кого еще есть цианидовый газ? Ни у кого.

Но Ленгхарт потягивал кофе и думал: «В твоей теории есть один изъян. Агенты разведки не пишат своим жертвам предупреждающих писем».

20

Из дневника Аллена Лоуэлла... запись от 1/XI—73 г.

«...Уильямс оповещает прессу. Не думаю, чтобы он понимал, с чем имеет дело.

Сегодня вечером первая фаза моего плана завершается, как я и предвидел, волной известности, именно это мне и нужно. Все удивляются: зачем, для чего? Почему эти шестеро?

В свое время я все объясню.

А теперь признаюсь. Мне очень неприятно то, что я делаю. Мне было неприятно убивать Карсона. Он первый дал мне работу».

Глава IV

ПОКУШЕНИЕ НА ЭВЕРЕТТА МЕЛЛОНА

1

Эверетт Меллон лежал на пляже перед отелем «Парадайз Айленд» в Нассау. Две симпатичные девушки в бикини подошли к нему и остановились.

— Это он, — сказала одна.

— Ты уверена?

— Сегодня в газетах был его портрет.

Внезапно за спиной у них появился багамец в белых парусиновых брюках.

— Проходите, леди.

— Видишь, — сказала первая. — Его охраняют. Я была права.

Меллон приподнялся, сел и с любопытством поглядел на происходящее. Черт побери! Одна из девушек, блондинка с косой, кокетливо поглядела на него в упор. Меллон расхохотался. Он стал знаменитостью.

И станет миллионером. По его служебному телефону весь день звонили богачи из Нью-Йорка, внезапно пожелавшие, чтобы он сдал их яхты напрокат, и спрашивали: да, кстати, старина, есть ли какие новости об этом безумном заговоре в связи с Кеннеди?

Меллон отвечал истинную правду: он не знал ничего.

Утром представитель полиции Нассау сообщил ему, что, находясь здесь, он будет под круглосуточной охраной. Некто Фред Джарвис позвонил из Вашингтона и сказал, что если он вернется в Штаты, то круглосуточная охрана будет обеспечена ему и там.

В результате шумихи после пресс-конференции Уильямса ФБР твердо решило охранять намеченные жертвы. Джарвис сделал еще одно предупреждение: не открывать никаких почтовых отправок, не принимать незнакомых посетителей, не выходить ночью даже с охраной.

Сумасшествие, думал Меллон. Сумасшествие. Три месяца работал с мальчишками-рассылными служителем в сенате, а десять лет спустя такая вот история.

Теперь, когда не было сомнений в том, что угроза реальна, он знал, что мог оказаться в списке лишь по одной причине. По ошибке. Этот убийца с кем-то спутал его.

2

В Нью-Йорке Джордж Уильямс ждал, когда Макгреди освободится. Надежд на предложенную ФБР круглосуточную охрану у него не было. Человека, сумевшего совершить вчерашний трюк в «Амбассадоре», охрана не остановит. Но общественное внимание — дело другое. Оставшиеся жертвы теперь будут под наблюдением тысячи глаз: для убийцы это будет проблемой.

А ему нужно создать как можно больше проблем. За все время работы в министерстве юстиции Уильямс не встречал более изобретательного убийцы. Или более подготовленного!

Этот невероятный план убийства шестерых, видимо, разрабатывался много месяцев, до мельчайших деталей — поддельная записка о самоубийстве Медуйка, телефон с «сюрпризом» для Карсона. Что последует дальше? И кто станет очередной жертвой?

К услугам Уильямса был каждый компьютер в министерстве, ФБР и местных управлениях полиции. В его распоряжении были лаборатории, готовые вцепиться в каждую улику, проанализировать ее и проследить до конца. Но какие улики оставил убийца? Разбитая ампула в наушнике телефона, пуля в спущенном переднем колесе — и все.

Пока нужно было пользоваться традиционными методами. Агенты ФБР, находившиеся в номере, описали внешность убийцы. Примерно шести футов ростом, стройный, около тридцати лет.

Использование секретного боевого отравляющего вещества, как и владение каратэ, говорило о службе в войсках особого назначения.

Уильямс вошел к Макгреди и застал его расстроенным.

— Газеты смешивают нас с грязью, — пожаловался он. — И виноваты в этом даже не мои люди, а проклятые болваны из ФБР.

— Мне пришло кое-что в голову. — Сидя в кресле, Уильямс чуть подался вперед. — Кроме них, еще один человек в отеле не только видел убийцу, но и разговаривал с ним.

Макгреди откинулся назад и уставился на Уильямса.

— Случайный свидетель? Вы грезите.

— Убийца знал номер, — сказал Уильямс.

— Что?

— Убийца знал, в каком номере я нахожусь. Тишина... потом капитан хлопнул ладонью по столу.

— Конечно. Он знал и номер ФБР! Половина служащих отеля о нем даже не слышала.

— Кто-то из них говорил с убийцей и дал ему эти сведения.

Капитан подскочил так, что своим массивным телом отбросил кресло к стене.

— Сукин сын! Он у нас в руках. Мы найдем этого служащего за сутки!

3

Торонто, шесть утра. Шедший ночью снег прекратился, и на тихих улицах уже рычали снегоочистители; один из них проехал, взметая тучу снега, мимо швейного ателье «Бон суар».

Аллен Лоуэлл ехал по этой улице, глядя на стоявшие автомобили. Снег был его союзником. Если кто-то наблюдал за ателье, то мотор его автомобиля должен был работать для обогрева, и стекла были бы чистыми.

Но все автомобили представляли собой безжизненные снежные холмы. Аллен медленно ехал мимо них, потом остановился. В автомобиле на другой стороне улицы он заметил красное пятно за стеклом.

Осторожно перейдя скользкую свежечистенную улицу, Аллен подошел к дверце автомобиля. Красное пятно оказалось лыжной шапочкой; внутри кто-то спал. Аллен громко постучал в стекло. Лыжная шапочка шевельнулась. Аллен повернул заиндевевшую ручку и распахнул дверцу. Сидевшему в машине было года двадцать четыре. Зубы его выбивали дробь.

— Черт, я заснул, — сказал он. — Мог бы замерзнуть насмерть.

И оглядел Аллена.

— Ты не Лес Рэндалф, — сказал он. — Что произошло?

— Лес не может приехать, поэтому сменяю тебя я, — сказал Аллен. — Вдобавок сделаю одолжение и не скажу Майку Горджо, что ты спал.

Молодой человек завел мотор.

— Приятель, я совсем закоченел. Ты спас мне жизнь. — Он поглядел на часы в машине. — Что за черт? Сейчас только шесть, а смена в восемь.

— Майк над тобой сжалился, — сказал Аллен. — Езжай домой и ложись в теплую постель.

Но молодой человек, казалось, был в сомнениях.

— Как тебя зовут?

— Джон Томпсон, — сказал Аллен, настороженно глядя на него. — Не слыхал о таком?

— Нет, — сказал парень. — Но для меня ты сам Иисус Христос. — Он включил отопление, но мотор, видимо, еще не прогрелся. Лицо его было синим.

— Хорошо, — сказал он. — Принимай пост. Где твоя машина?

— В ста футах, — сказал Аллен. — Отъезжай, я встану на это место.

Минуто спустя автомобиль занесло в снег, он было забуксовал, потом медленно пополз по улице. Аллен подумал, что, раз смена в восемь, в его распоряжении два часа.

Перейдя улицу, Аллен позвонил в ателье «Бон суар». Он не отрывал пальца от кнопки, пока сквозь стекло не выглянул бледный подросток в пижаме. Увидев Аллена, он широко распахнул дверь.

— Привет, Джефф, — сказал подросток. Аллен хлопнул его по спине.

— Скажи отцу, что приехал Джефф Болтон.

— Он будет сердит, — сказал, улыбаясь, подросток. — Но не удивлен. В дверь вечно звонят чуть свет. Пошли наверх.

Через несколько минут появился, завязывая пояс красного поношенного халата, невысокий лысый человек.

— Привет, Джефф, — сказал он. — Я ждал тебя попозже.

Они подошли к стене; Робер нажал кнопку, и панель отодвинулась. За панелью находилась крошечная комната с прессами, набором чернил и копировальными машинами.

— Горджо держит ателье под наблюдением, — сказал Аллен, — поэтому я и приехал так рано.

— Зачем это Майку? — спросил Робер.

— Видимо, прослышал, что у меня осложнения с полицией.

— Mon Dieu¹, — сказал Робер.

— Мне нужны новые документы менее чем через два часа. Сможешь сделать?

— Для тебя я заставлю гору пойти в пляс. — Робер взял из стопки один паспорт, рядом с паспортами лежали моментальные фотографии и армейские удостоверения личности, и сел с ним за стол посреди комнаты. Аллен лениво перебирал удостоверения и, заметив, что Робер повернулся к нему спиной, сунул в карман удостоверение и паспорт техника-сержанта Гарольда Дауба.

— Я приготовил комплект документов, — сказал Робер, — на имя Джима Адамса, проживающего в Сизтле, Сук-стрит, сто тридцать пять. Отдам его тебе, а тому человеку изготовлю новый. Давай свой паспорт.

Аллен дал ему паспорт на имя Болтона. Робер взял нож, отделил фотографию и приклеил ее на готовый паспорт. Пока он возился с этим, Аллен заметил:

— Полиция когда-нибудь накроет тебя.

Робер только улыбнулся и сунул паспорт в маленький конверт.

— Voila², — сказал он. — Родился новый человек. Теперь ты месье Адамс. Вот твоя карточка социального страхования, кредитная карточка компании «Галф ойл», которой ты ни в коем случае не должен пользоваться, регистрационная карточка избирателя и членский билет сизтлского яхт-клуба.

Аллен улыбнулся.

— Откуда ты все это берешь?

— Меняю! Изготовив новые документы, я забираю у ребят те, что у них были, и потом с помощью легкой магии отсюда выходят совсем другие люди.

Аллен взял паспорт, сунул в бумажник карточки и отдал документы на имя Болтона.

— Я сожгу их, — сказал Робер и поглядел в напряженное лицо Аллена. — Что-то мне подсказывает, что сейчас осложнения у тебя серьезные. Это так?

— Да.

— Могу я чем-то помочь другу моего сына?

— Можешь. Постарайся скрывать от полиции мое новое имя до двадцать второго ноября.

— Почему именно эта дата?

— Я не хочу говорить тебе больше, чем нужно. ФБР будет давить на канадскую полицию.

— Если до двадцать второго, то я смогу поводить их за нос. Дам им другую фамилию, на поиски у них уйдет две недели, а на третьей неделе мы с женой едем во Францию. Так что до того времени ты в безопасности.

Аллен задумался, потом сказал:

— Если Майк Горджо спросит, на какое имя ты сделал мне документы, скажи — Джо Маркони, адрес любой.

Робер записал имя и произнес его, проверяя, правильно ли оно звучит в его произношении.

— Я обязан тебе жизнью сына, — сказал он. — И ничто не заставит меня забыть об этом.

Два часа спустя Майк Горджо звонил в дверь ателье «Бон суар». В это время человек с паспортом на имя Джеймса Адамса садился на восьмичасовой самолет до Нью-Йорка.

В другом кармане у него были удостоверение и паспорт техника-сержанта Гарольда Дауба. Пусть Уильямс выведает это!

Перевел с английского
Д. ВОЗНЯКЕВИЧ.

Продолжение следует.

¹ О господи (фр.).

² Ну, вот (фр.).

Юмор

— Неужели новая цена?

— Дай, говорит, затынусь — ну, я дал!

— Не просыхаешь!

Юмор

Рисунки Е. Горохова

В конце номера

«ЛИТЕРАТУРНЫЙ» ТРАМВАЙ

Необычный трамвай появился на улицах Одессы. Его сопровождают гиды-кондукторы, в которых пассажиры без труда узнают персонажей повести Валентина Катаева «Белеет парус одинокий».

Маршрут этого трамвая — литературный. Свои остановки он делает в местах, которые связаны с жизнью и творчеством К. Паустовского, Э. Багрицкого, И. Бабеля, Б. Пильняка и многих других известных литераторов, живших и работавших в Одессе. Маршрут разработан в городском бюро путешествий и экскурсий. Достать билет на поездку в «литературном» трамвае не так-то просто: он привлекает к себе внимание не только многочисленных гостей города, но и коренных одесситов.

А в самое ближайшее время в Одессе начнет работу создаваемый сейчас театральный музей. Его посетители смогут узнать много нового и интересного о творчестве Л. Утесова, Е. Полевицкой, С. Кузнецова, В. Юрневой, Д. Зеркаловой, Л. Леонидова, Л. Добрянской и других выдающихся мастеров советского искусства, чья жизнь была связана с Одессой.

МУХА ДЕНЕЖКУ НАШЛА...

То, что случилось, было просто невероятно.

Спасаясь от жары, сторожевая собака по кличке Муха стала рыть нору под стеной продовольственного склада. Вдруг из-под лап собаки на мостовую полетели блестящие монеты. Удивлению прохожих не было предела. Вызванные на место «происшествия» сотрудники милиции установили, что Муха нашла клад золотых монет (их здесь было более трехсот) чеканки 1897—1900 годов.

По мнению старожилов якутского села Павловское, где произошло это невероятное событие, клад мог принадлежать семье богатого купца Кушнарева, который, очевидно, спрятал золотые монеты «на черный день».

Подготовила к печати Е. ВАДИМОВА.

ЮМОРЕСКА

ПРОМАШКА...

После читки новой пьесы состоялось обсуждение. Пьеса всем понравилась. Выступали охотно, хвалили автора, говорили о традициях театра, о творческом методе режиссера... Автор улыбался, записывал что-то, когда хвалили. Режиссер, довольный, много курил и частенько бросал взгляды в мою сторону и даже, как мне показалось, подмигивал.

Роли в пьесе для меня не было, и я решил промолчать. А режиссер уж совсем открыто знаки подает: дескать, выступи. Выскажись! Я ему тоже знаками показываю: мол, пьеса не нравится. А он продолжал одобрительно кивать головой. Не понимает, что ли? Вижу, пошептался с завлитом, и тот называет мою фамилию. Надо высказываться! А что делать?

Очень радостно, говорю, что такой известный писатель принес свою новую пьесу в наш театр. Надо дорожить таким отношением. И очень хорошо, что наконец-то получают роли наши корифеи, поскольку молодых ролей в пьесе нет вовсе. Я верю, что спектакль получится... И дальше не знаю, что говорить. Сказать, что думаю, свое личное мнение? Но ведь большинство за пьесу, режиссеру она нравится... Все решено, ее берут.

И неожиданно режиссер задает

мне вопрос, и чувствую, с каким-то подтекстом: «А как вам главный герой? Какова ролька? Хотелось бы вам играть ее?» И усмеивается. Сыграть возрастную роль — это, говорю, моя давняя мечта, но ведь роль выписана на возраст, хотя и интересно. Этакий экстравагантный старикан. Знаменитый ученый, а ведет себя как водевильный комик в старинных фарсах. И тут меня будто толкнул кто-то — все равно, думаю, мне в пьесе не играть, и начал я высказывать свое личное мнение.

Автор, вижу, хмурится, не записывает, режиссер растерянно улыбается. Завлит предлагает прекратить выступления, говорит опять о традициях театра, о режиссерском методе, о таланте писателя... Обсуждения кончились. Пьесу приняли.

Режиссер мне говорит: «Жаль, что вам пьеса не понравилась, я хотел назначить вас на главную роль, на этого старикана. Мне казалось, вам интересно и полезно сыграть возрастную роль. Но нельзя насилловать дарование артиста».

С тех пор я редко выступаю на обсуждениях.

Пока не узнаю распределение ролей.

Вс. МАЛАШЕНКО

Александр ТЕРЕНТЬЕВ

ПРОВЕРКА ВЛАЖНОСТИ

Был вывод контролеров точен:
— Мешочек с сахаром подмочен!
И продавщица с хмурым лбом
Застыла соляным столбом!

РАЗГОВОР В РАЗДЕВАЛКЕ

— Ядро толкнул
Удачно Колька!
— Он это может.
А за сколько?

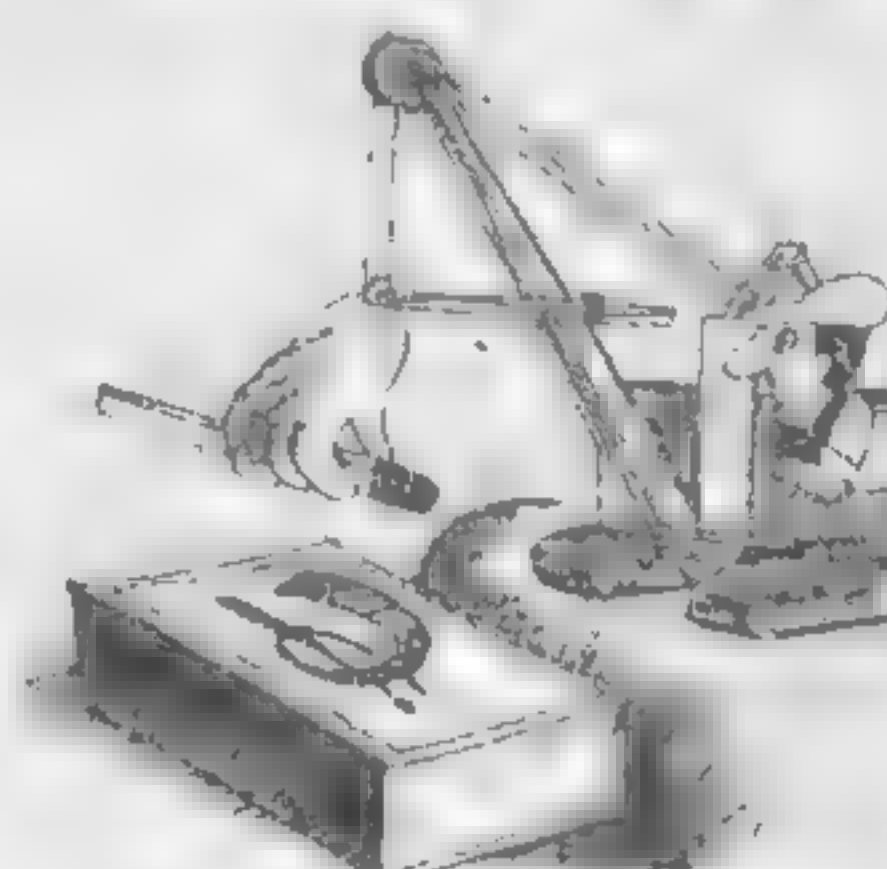
ДЕЛИКАТНЫЙ ВЗЯТОЧНИК

Власа трудно обвинить
В том, что он вручает взятки:
Предлагает закурить
Самокрутку
Из десятки.

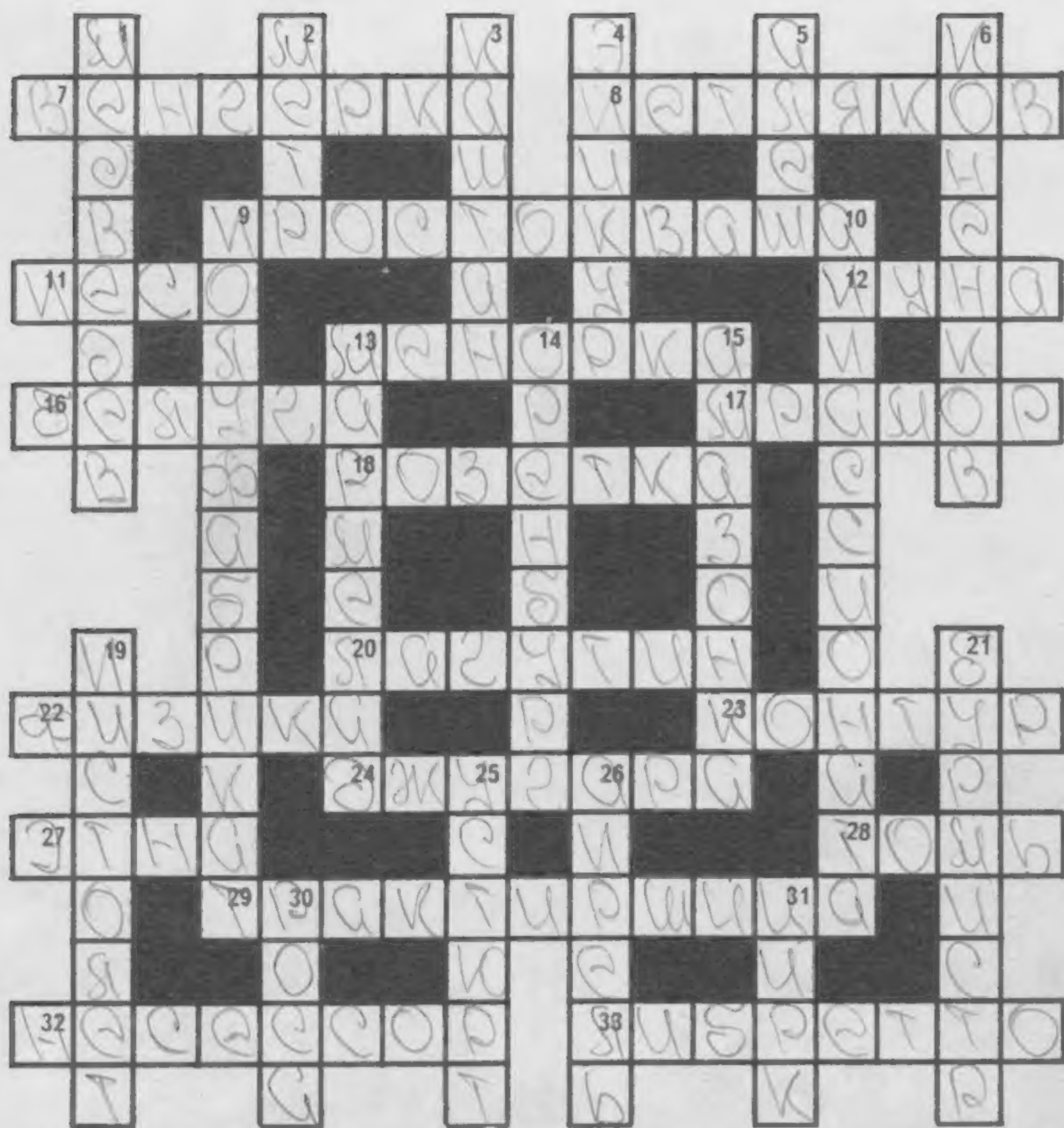

В ПЕСЧАНОМ КАРЬЕРЕ

У Ивана Петровича
Слава новатора:
Может спичку с земли
Взять ковшом экскаватора.
— Долго ль он упражнялся,
Чтоб сделать такое?
— Года два. Ежедневно.
Во время простоя.

Рисунки Э. Десятник.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Бальный танец. 8. Советский авиаконструктор. 9. Кисломолочный продукт. 11. Денежная единица Кубы. 12. Город в Индии. 13. Остров в Средиземном море. 16. Осетровая рыба. 17. Декоративный и поделочный камень. 18. Орнаментальный мотив в виде цветка. 20. Советский боксер, двукратный чемпион Олимпийских игр. 22. Наука о свойствах и строении материи. 23. Очертания предмета. 24. Засухоустойчивый злак. 27. Вулкан на острове Сицилия. 28. Приток Оби. 29. Пьеса К. Гольдони. 32. Футляр с принадлежностями туалета. 33. Текст оперы, оперетты.

По вертикали: 1. Герой Советского Союза, автор произведения «Сильные духом». 2. Основная единица длины. 3. Лиственное плодовое дерево. 4. Древнегреческий философ-материалист. 5. Чешский живописец и график. 6. Скульптор, Герой Социалистического Труда. 9. Изделие, подлежащее дальнейшей обработке. 10. Соната Л. Бетховена. 13. Фруктово-ягодное кондитерское изделие. 14. Областной центр в РСФСР. 15. Река в Южной Америке. 19. Стрелковое оружие. 21. Рассказ И. С. Тургенева из «Записок охотника». 25. Пустынное плато между Аральским и Каспийским морями. 26. Месяц календарного года. 30. Вид атмосферных осадков. 31. Вид театрального искусства.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 42

По горизонтали: 2. Пряники. 6. Пено. 7. Атом. 9. Вавилон. 10. Паллада. 11. Австрия. 12. Глава. 14. Ганимед. 16. Гагарин. 18. Растениеводство. 21. Плинтус. 22. Онтарио. 23. Кутум. 25. Агрегат. 28. «Охотник». 30. Обелиск. 31. Фата. 32. Трос. 33. Культиватор. По вертикали: 1. Пшеница. 2. Почва. 3. Языки. 4. Канва. 5. Вальс. 6. Паланга. 8. Маринад. 12. Гданий. 13. Агроном. 15. Ибсен. 17. Астра. 19. Эпиграф. 20. Косинус. 24. Тюленин. 26. Гопак. 27. Тобол. 28. Октет. 29. Осетр.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Студентка МГУ Елена Коваленко.

Фото Н. Свиридовой и Д. Воздвиженского

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Декоративные композиции, выполненные Е. И. Шимоняк-Косановской * «Молодость» * «Фантазия» * «Красная конная» * «Карпаты» * «Вершины» * «Вербас» (См. в номере материал «Гутное стекло»).

Фото М. Мезенцева

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (первый заместитель главного редактора), Ю. В. МИХАЛЬЦЕВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономика — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-53; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформление — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 30.09.85. Подписано к печати 15.10.85. А 00408. Формат 70 × 108/16. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 480 000 экз. Изд. № 2694. Заказ № 1457.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Школа в Спас-Клепиках, в которой учился поэт.

Фото М. САВИНА

Земля моя златая!

Не по-осеннему приветливое солнце ярко высветило первый Всесоюзный праздник поэзии Сергея Есенина в Константинове. Мелькали красочные наряды, плясали милые рязанские девушки и ловкие парни. Свежий ветер уносил в неоглядные заокские дали задушевное хоровое пение. И виделся сквозь ликование праздника светловолосый юноша на высоком заросшем травой берегу. Вспоминались строки, написанные когда-то здесь, в тихом Константинове:

Земля моя златая!
Осенний светлый храм!
Гусей крикливых стая
Несется к облакам.

И другие слова, что родились уже в шумном Париже пять лет спустя:

...Я с тщетой этой славы знаком,
А сейчас, как глаза закрою,
Вижу только родительский дом.

Тысячи гостей принимали родное село Есенина и ставший знаменитым его простой деревянный дом.

Филиал музея в Спас-Клепиках открывали накануне под дождем. И хотя пестрым веселым пологом распустились перед школой сотни зонтиков, сумерки ненастья создали настроение, уводящее во времена, когда в стенах этой школы учился будущий поэт.

В сенях — огромная фотография: вот такой была школа в Спас-Клепиках в самом начале века. Сейчас восстановленное зда-

ние внешне еще не очень похоже на то, что изображено на фотографии, но реставрационные работы, отделка фасадов идут полным ходом.

Тактично, умело подошли организаторы музея к оформлению интерьера, к подбору экспонатов: старинные парты в классных комнатах, на одной — осенние цветы, здесь сидел Сергей Есенин, грифельные доски, учебники, глобус, карта Российской империи на стене, под потолком керосиновые лампы.

В музее все заставляет проникнуться атмосферой тех лет, когда юношей Сергей Есенин показал за время обучения отличные и очень хорошие успехи и был «удостоен Советом сей школы... звания учителя школы грамотности».

В этом же здании проживал тогда учитель словесности Е. М. Хитров, любимым учеником которого был Есенин. Сейчас комнаты учителя также являются экспозицией музея.

Когда слава Сергея Есенина докатилась из Петербурга до Константинова и Спас-Клепиков, учитель написал воспоминания о своем ученике, которые сейчас экспонируются в новом музее. А в январе 1916 года Есенин присылает Хитрову свою первую книжку с дарственной надписью: «Доброму старому учителю... от благодарного ученика».

Михаил ПОСПЕЛОВ

1

1
Открытие есенинских тор-
жеств.

2
Хлеб-соль гостям первого
Всесоюзного праздника
поэзии Сергея Есенина.

3
Звучат песни на стихи
Есенина.

4
Музей в Спас-Клепиках.
Константин Сергеевич
Есенин и Наталья Василь-
евна Есенина — сын поэта
и его племянница.

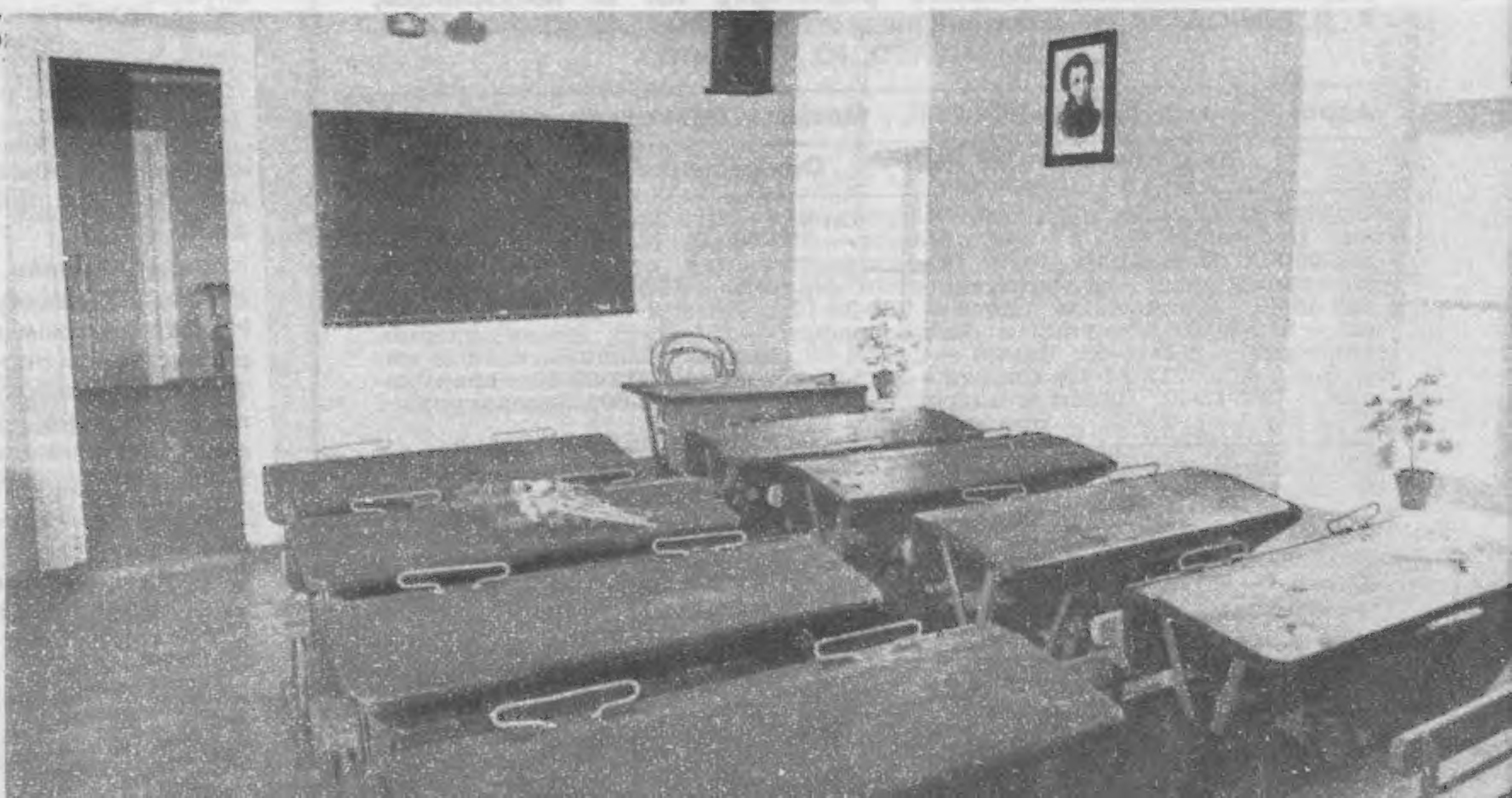
5
Здесь учился поэт.

6
Книги Есенина и о Есени-
не.

2

5

3

4

6

ISSN 0131-0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663